

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВРАГ ИМПЕРИИ

История бастарда

Диана Удовиченко

Враг империи

«Автор»

2009

Удовиченко Д. Д.

Враг империи / Д. Д. Удовиченко — «Автор», 2009 — (История бастарда)

Равновесие нарушено, и достаточно одного неверного шага, чтобы мир покатился в пропасть войны. Готовится переворот в эльфийском королевстве, с севера нападают орки, а на юге поднимает голову загадочный Андастан – родина непобедимых некромантов. Ты выполнил миссию, выжил в джунглях Зеленого сердца и прошел весь путь до конца, сражаясь с врагами и теряя друзей. Таинственное племя найдено. Но теперь тебя ждет новое испытание. В империи настали смутные времена. Храмовники открыли охоту на темных магов. На площадях родного города пылают костры. Тебе и твоим близким тоже приготовили жестокую казнь. Потому что ты снова вне закона. Ты – враг империи. Выход один: стать повстанцем и снова пойти в бой. Только теперь это твоя личная война.

© Удовиченко Д. Д., 2009

© Автор, 2009

Диана Удовиченко

История бастарда. Враг империи

Благодарю за помощь и поддержку своих друзей: Юрия Гавриличко, Роберта Анкаликова, Оксану Савчин, Софию Даулетбаеву, Галину Попову и Павла Super66. Без вас мне было бы трудно написать эту книгу.
Автор

Слушайте, добрые граждане славного Виндора! Слушайте и не говорите, что не слышали! Его величество Ридриг Второй, император Объединенной империи Галатон, властитель земель Южного континента, объявляет награду за поимку бастарда по имени Рик, совершившего страшные преступления против короны! Доставившему Рика—бастарда живым или мертвым, будут пожалованы дом на улице Розы ветров, баронский титул, поместье в Лесном крае и тысяча паунсов!

Слушайте, добрые граждане славного Виндора! Слушайте, и не говорите, что вы не слышали...

* * *

Я – Рик. Рик—бастард. К вашим услугам, господа. В недавнем прошлом – барон Рик Сайваар, лейтенант десятой роты первого полка имперских ястребов, владелец дома на улице Розы ветров и поместья в Лесном крае, обладатель солидного годового дохода. А в давнем прошлом... Рик—бастард. Как такое может быть, спросите вы? Сейчас объясню. Впрочем, те, кто уже знаком с моей историей, вполне могут пропустить эту часть повествования и перейти к описанию дальнейших событий моей странной, запутанной жизни. Если же мы видимся с вами впервые... что ж, слушайте.

Я родился... где—то, конечно, родился. И на свет меня произвела какая—то женщина. Более точных сведений о собственном происхождении я не имею. До пяти лет рос в воспитательном доме для бастардов, из чего могу сделать вывод, что я – незаконнорожденный. И клеймо имеется. Когда я готовился пополнить стройные ряды бродяжек и воров, в нашем приюте появился славный человек – мастер Генериус, он же дядя Ге – и забрал меня в свой дом. Дядюшка заботился обо мне, как о родном сыне. Он у меня – очень сильный маг, хоть и не имеет соответствующей лицензии. И меня пытался приохотить к своему ремеслу, да только я сопротивлялся с упорством, достойным лучшего применения. В итоге – что выросло, то выросло. К тому времени, как мне исполнилось двадцать пять лет, я всюю занимался контрабандой. И собирался заниматься ею всю жизнь. Если бы...

Никогда не вмешивайтесь в дела великих мира сего! Будь моя воля, написал бы этот мудрый постулат на потолке каждой спальни. Чтобы поутру, открыв глаза, вы проникались глубоким смыслом этой фразы: никогда не вмешивайтесь в дела великих мира сего!

К сожалению, над моей кроватью ничего подобного начертано не было. Вот меня и угрозило спасти жизнь не кому—нибудь, а самому императору Ридригу Второму, прозванному в народе Тихим. Находясь под впечатлением от моего безрассудного поступка, монарх осыпал вашего покорного слугу милостями. Даровал честное имя – Сайваар (что по—древнегалатски означает «спаситель»), баронский титул, дом, поместье, доход... А после этого всучил меч, кольчугу, звание лейтенанта имперских ястребов и отправил в колонии Южного континента с сомнительной миссией. Мне всего—то навсего требовалось отыскать в древних джунглях, из которых никто еще не возвращался, племя, о котором опять же никто не слыхал. Кроме самого императора, если ему изначальные (так называется племя) не приснились. Мало того: я дол-

жен был убедить этих самых мифических изначальных прийти на помощь империи, которой грозят война, бунты и прочие неприятности.

И вот, вооруженный мечом, званием и отрывочными познаниями в области магии, я принял под свое командование десятую роту первого полка имперских ястребов – сто десять отборных ветеранов. Один из которых оказался кайларом, получившим задание со мной разделиться. От кого получил? Забыл сказать: за всеми бедами, постигшими империю, стоит глава Совета магов – могущественный волшебник Вериллий Фламиер. Какая ему от этого выгода, я еще не разобрался.

Наша рота пробиралась к своему полку, в Санму – колонию, где шли бои с парганцами, главными врагами Галатона. Можно, не буду объяснять, почему мы оторвались от своих? С вашего позволения, живописать все наши злоключения тоже не стану. Скажу только, что мы потеряли на этом пути многих славных воинов. А с кайларом я в конце концов разобрался по-свойски. И вот теперь, в сопровождении десяти добровольцев и одного демона—отступника, приступаю к выполнению собственно миссии...

И все же – никогда не вмешивайтесь в дела великих мира сего!

* * *

– Лейтенант, а лейтенант! Вставай, зомби пришли! – ворвался в мой сладкий сон голос мастера Триммера.

Я сел и потянулся, потом растолкал Дрианна с Лютым. Опять зомби! И кто их столько понаделал—то? Вот уже двое суток мы продирались через джунгли Санмы к джунглям Зеленого сердца. «Из мрака да в бездну», – как изящно выразился гном. Все это время нас преследовали живые мертвецы в различных стадиях разложения. Желтоватые скелеты, упоительно воняющие трупы с лохмотьями истлевающей плоти на проглядывающих костях, почти целые, свежеиспеченные зомби, а также совсем уж странные твари, почти неотличимые от живых людей. Поведение последних в корне отличалось от того, что принято приписывать нечисти такого рода. Человекообразные зомби не пытались сожрать нас, собственно, я никак не мог понять, что им вообще нужно. Кровожадности они не проявляли, кусаться не пытались, но в драку лезли, причем создавалось впечатление, что действуют они осознанно. Или, по крайней мере, отдают себе некоторый отчет в своих действиях. Эти все были в форме ястребов, волков, либо в одежде парганских наемников. Они то и дело возникали из—за деревьев, по одиночке или целыми группами, и с тупым упорством пытались до нас добраться. Особенно эффектным бывало появление нежити во время обеда или ужина. После расправы с зомби аппетит прощально махал ручкой, и еду приходилось запихивать в себя насильно. Во всяком случае, нам с Дрианном. Ни мастер Триммер, ни капралы особой брезгливостью не страдали. Ночные визиты тварей меня тоже ужасно злили. Спать приходилось урывками, вполглаза. Как минимум дважды за ночь я вскакивал и начинал швыряться огненными шарами. Огонь – самое лучшее средство против живых мертвецов. А ведь еще и в карауле надо было стоять. Короче, все это меня достало, а до Зеленого сердца нужно было переть еще как минимум суток трое. Хоть бы Артфаал появился, может, посоветовал бы, как решить эту проблему. Но демона не было вот уже больше недели. После моей расправы над Хамаром он вернулся во мрак, чтобы не привлекать лишних подозрений своих господ. Умыл лапы, короче. Мы с Дрианном нетерпеливо ждали его возвращения, чтобы продолжить наши уроки. Мальчишкой по—моему в большей степени двигало любопытство, а мне было необходимо разобраться: что ж такое я насотворял—то в последние дни? Дважды мне удалось комбинировать источники, получив при этом Темный огонь и Темную воду. Причем оба раза я проделывал это в состоянии бешенства. Теперь очень хотелось научиться управлять своим умением. Экспериментировать в отсутствие лорда Феррли я побаивался, мало ли, вдруг новое заклятие слизнет с земной поверхности весь

мой отряд, а я и не сумею его остановить? Конечно, даже без Артфаала мы с магом продолжали заниматься, причем я выступал в роли наставника. Благо теперь не нужно было ни от кого прятаться. Капралы отнеслись к нашим тренировкам с большим уважением и пониманием. «Дело нужное, – сказал Добб, выражая общее мнение, – того, этого, как с мечом – чем больше занимаешься, тем лучше дерешься».

Итак. Зомби. К костру подошла и остановилась в нерешительности парочка воняющих развалин. Я всмотрелся в темноту, густившуюся между плотно стоящими деревьями. Света от костра явно было недостаточно, чтобы разглядеть, где прячутся остальные, если они есть. То есть, не прячутся, конечно – ума такие зомби лишены напрочь. Просто эти двое в поисках пищи могли обогнать тех, что на подходе. А могли и вдвоем прийти. Рисковать было нельзя, и я призвал мрак, благо, что Артфаал даже в свое отсутствие исправно служил источником темной силы. Зрение привычно преобразовалось, и я увидел в глубине леса еще с десятков мертвецов, причем половина из них были, как я их для себя окрестил, «живыми» – то есть, по виду и запаху почти не отличались от нормальных людей. Как всегда, на них красовалась форма наших ребят. Я тихо выругался, порекомендовав сотворившему такое гунгану совершить извращенное соитие с собственным копьём, и швырнул в подошедших первыми мертвецов пару огненных шаров. Твари задымились, распространяя совершенно невыносимое амбре, но не оставили своих потуг заполучить нас на ужин. Правильно, пока голова не прогорит, будут шевелиться. Мастер Триммлер решил проблему по—своему, снеся им головы топором.

– Глянь, лейтенант, еще подходят, – проворчал недовольный спросонья Йок.

– Вижу, – процедил я сквозь зубы, сожалея об утраченных минутах драгоценного сна.

Сами по себе десять – пятнадцать зомби для нашего отряда бедой не являлись, особенно учитывая, что в составе группы было целых два мага. Но вот чего они нас начисто лишили – так это возможности уединения. Даже по нужде, простите за подробность, ходить приходилось вдвоем.

Пока я злился, ребята лихо расправились с четырьмя тварями, а Дрианн ловко подпалил еще троих. Оставшиеся трое проявили неожиданную для зомби сноровку. Один кинулся на Добба, причем, как мне показалось, нарочно жертвуя собой, отвлекая самого сильного мечника, а двое его спутников попытались с разных сторон обойти Дрианна. Конечно, этот маневр не удался, и головы нежити тут же полетели в траву, прямо в воздухе вспыхнув от наших огненных шаров. Но поведение мертвецов заставляло задуматься. С каких это пор они научились тактически мыслить? Да, действовали они примитивно, но все же...

– Чем рассуждать попусту, любезный барон, лучше бы взяли одного, не отрубая ему головы, – прозвучал в сознании знакомый голос.

Я резко обернулся и увидел Артфаала, гордо восседающего на расстеленном плаще, где я только недавно видел десятый сон.

– Лорд Феррли, вы вернулись! – не помня себя от счастья, воскликнул Дрианн и, подскочив к коту, заключил его в крепкие объятия.

– Польщен... весьма... – прокряхтел демон, с трудом выбираясь из рук мага. – Представьте меня вашим товарищам, барон.

И правда, пора было: капралы, все, кроме Лютого, разумеется, вскинули арбалеты. После моих пояснений их изумлению не было предела. Разумеется, говорить с Артфаалом никто из ребят не мог, но мой авторитет в их глазах, кажется, достиг совершенно невозможной высоты. Однако первые слова лорда Феррли меня очень заинтересовали, и, сказав воинам: – Ложитесь, мы с Дрианном покараулим, – я с удобством устроился у костра, чтобы выслушать его рекомендации.

Рядом опустилсЯ маг, с другой стороны уселся Лютый, который хотя и не слышал речей демона, тем не менее, никогда не пропускал наших с ним уроков, пользуясь моими услугами переводчика.

– Так что вы сказали о том, чтобы взять зомби живьем? – спросил я Артфаала.

Тот сердито зафыркал:

– Во—первых, как можно взять живьем мертвеца? А где ваше «здравствуйте», барон? Почему не спросите о моих делах?

Пришлось разводить журженьские церемонии и задавать положенные по этикету вопросы. Лорд Феррли, заметно смягчившись, с удовольствием поведal:

– Все хорошо, насколько это возможно в таком малопривлекательном месте, как мрак. Как я и ожидал, никто меня ни в чем не заподозрил, тем более что кайлар уже поведal историю своей гибели.

– И никого не заинтересовало, из какого источника взята убившая его сила?

– Да кому это надо? Все законно: два темных мага подрались, в результате один погиб.

– А ведь Хамар может стать демоном, и тогда Рику не поздоровится, – нахмурился Дрианн.

– Не стоит этого бояться, – беззаботно воскликнул лорд Феррли. – Тем более что кайлар наотрез отказался от такого предложения. Нетрудно догадаться, кто его вызовет после обращения. А он больше не желает и слышать имени Верховного. К тому же для демонов существуют различные ограничения в охоте на людей. Иначе уже все человечество было бы перебито. Так вот, – получив свою порцию внимания, Артфаал перешел к делу, – вас, барон, ничто нестораживает в поведении некоторых зомби?

– Настораживает. И что?

– Удивляюсь я вам! Ну, а вы, граф Летакс, неужели ничего не припомнили из университетского курса истории магии?

– Мы зомби не проходили, – лицо Дрианна было так печально, словно его лишили чего—то неизмеримо прекрасного.

– М—да, – глубокомысленно изрек демон, – обещайте мне, господа, что по своему возвращению в Виндор немедленно отправитесь в библиотеку моего дорогого друга мастера Генериуса, где восполните вопиющие пробелы в ваших знаниях.

Мы с магом клятвенно заверили Артфаала, что так и будет, лишь бы он наконец продолжил свою мысль. Но зануда, кажется, решил преподавать нам показательный урок.

– Ну—с, расскажите мне, барон, что вы знаете о некромантии?

– То же, что и все: некромант вступает в союз с одним из высших демонов, и тот дает ему силу для поднятия мертвых.

– Негусто. А куда девается при этом душа?

– Да все туда же, – недовольно отвечал я. – Во всех книгах сказано, что душа здесь ни при чем. Она отправляется своим путем. К тому же чаще всего поднимают уже полежавшие трупы, откуда там душа?

– И этим объясняется неповоротливость и отсутствие у зомби каких—либо мыслительных процессов и чувств, не правда ли?

– Ну и что?... – начал было я, но тут же осекся.

– Наконец—то вы поняли!

– Подождите, – заволновался Дрианн, – то есть у этих вот странных зомби есть душа?

– Скорее, я бы сказал, ее часть – та, что отвечает за способность к мышлению и подвижность. Чувств, конечно, нет.

– Но это невозможно! – хором воскликнули мы, переглянувшись.

– Я тоже так думал, – помрачнел лорд Феррли.

– Подождите, так вы и сами ничего не знаете? – поразился я.

– Откуда? – огрызнулся Артфаал. – Могу только предполагать. Этот некромант владеет совершенно незнакомой мне и оригинальной методикой поднятия мертвецов. А поскольку

мраку известен лишь один способ, он же классический, то с демонами неведомый чародей не связан. Значит, и сведений о нем у меня нет.

– Да в сущности, какая разница? – пожал я плечами. – Неприятно, конечно, но ведь эти твари уничтожаются так же, как и обычные зомби. Так что...

– Нет, – возразил Дрианн. – Это важно. Ведь он превращает в нежить наших солдат. Для чего?

– Хороший вопрос, – задумчиво протянул Артфаал. – Но меня больше волнует проблема безопасности моих учеников. В конце концов зомби может оказаться слишком много, либо неизвестный чародей их еще усовершенствует. Так что попробуйте в следующий раз одну из тварей не уничтожать, а связать и допросить.

– Думаете, они и разговаривать умеют? – поразился Дрианн.

– Вполне возможно. Но если и нет, пусть барон прочтет его.

Мысль о чтении покойника меня не порадовала. Но, видно, выхода не было.

Мы просидели у костра до рассвета, дав остальным ребятам возможность выспаться. Артфаал уютно свернулся клубком у меня на коленях и сладко похрапывал, а мы разговаривали. Под конец решили, что поймать одного зомби необходимо.

– Понимаешь, странно все это, – говорил Ом, – не могут гунганы ни с того, ни с сего научиться новым штучкам. И потом, подумай, как мы возвращаться будем. К тому времени, может, весь континент будет сплошь покрыт нежитью. Завяжем.

– И что ты предлагаешь?

– Узнаем, откуда они приходят, зомби эти, и сообщим полковнику. Пусть делает зачистку.

– Как мы ему сообщим?

– Придумаем что–нибудь.

Если бы мы знали, как скоро придется приступить к выполнению нашего плана, и какие коррективы будут в него внесены!

С первыми лучами рассвета я скомандовал подъем, и мы продолжили свой невеселый путь через джунгли. Я озирался в поисках зомби, но как назло до самого привала ни один мертвяк нам не встретился.

– Ничего, – утешал Добб, – дело наживное. Того, этого, зомби – они как комары, к закату налетят.

Я улегся под кустиком и решил, дабы вознаградить себя за бессонную ночь, вздремнуть хоть полчаса. Но не тут—то было: Лютый затеял шуточную перепалку с Дрианном. То есть Ом, конечно, шутил. Но только вот юмор у него был своеобразный, и мальчишка его воспринимал слишком болезненно.

– Ну, расскажи, чем вы там с Марьяной занимались, пока лейтенант в госпитале лежал? – спросил Лютый.

– Как чем? Лечили его, – не ожидая подвоха, простодушно ответил Дрианн.

– Да ладно! Видел я, каким вы там целительством увлекались!

– Что ты мог видеть? Не было ничего! – начал закипать маг.

– Ну, это ты своей Лаванде расскажи!

– Ее зовут Лавиния!

– Да какая разница! У тебя же уже Марьяна.

– Я люблю только Лавинию!

Судя по тому, как замолчали капралы, они с интересом прислушивались к диалогу моих друзей.

– Отставить! – гаркнул я. – Дрианн, он шутит, что ты заводишься? А ты, Лютый, как ребенок, ей—Луг! Дайте поспать хоть немного! Если зомби появятся – разбудите.

Ом, злыдень, звонко рассмеялся, а маг, что—то ворча себе под нос, отошел от полукровки на несколько шагов и вцепился в портрет своей ненаглядной Лавинии. Его подозрительная вспыльчивость наводила на мысли о том, что Лютый в чем—то был прав. Я зевнул и сладко задремал. И тут же меня разбудил Йок:

– Вставай, лейтенант!

Мысленно проклиная все джунгли на свете, а также ястребов, нелепые миссии и особенно беспокойных императоров, которые эти самые миссии придумывают, я протер глаза. Отряд мой, готовый к отправке, переминался с ноги на ногу, старательно отводя глаза.

– Того, этого, лейтенант, – завел Добб, пробудив во мне нехорошие опасения, – магичесство—то... того.

– Чего того?

– Да нет его нигде...

– Как?! – взревел я.

Что это творится, в самом деле? Стоило прикемарить на минутку – они уже мальчишку потеряли. И это ветераны, молнию Тарантуса им в печенку!

– Искать!

– Искали уже...

Тут только я сообразил, что и Лютого тоже не наблюдаю. Не успел спросить, куда делся еще и полукровка, как тот с треском вывалился из колючих кустов.

– Там следы...

– Его похитили? – сразу вспомнилось мое собственное путешествие на плечах дикарей, когда из меня чуть было не сделали зомби.

– Не похоже, он сам шел за кем—то.

– Ты—то, ты—то как его упустил?! – моему негодованию не было предела.

– Да усмотришь за ним! – озлился Лютый. – Ты же знаешь, он при каждом удобном случае за кусты прячется со связующим амулетом, все в любви своей Лаванде объясняется.

– Так, ладно, пошли.

Мы двинулись по следам, видимым одному Лютому. Он внимательно изучал траву под ногами, веточки на деревьях и уверенно шагал вперед. Ну, Дрианн, ну, погоди, дай Луг, доберемся до тебя – сам лично подзатыльников надаю! Разбираться, кто виноват в исчезновении мальчишки, я не стал – что толку. Вдруг Ом замер, вглядываясь себе под ноги.

– А вот отсюда его уже тащили, причем двое.

Замечательно! Значит, все же похищение. Заманили любопытного мага, дали по башке – и уперли.

– Он сопротивлялся, – заявил Лютый, указывая на взрытую землю, с которой был содран травяной покров. – Ногами упирался, видите?

Одно утешало: это не зомби. В противном случае мы уже нашли бы одни кровавые ошметки.

Ом взмахнул рукой, указывая, куда следует двигаться. Капралы вскинули арбалеты, настороженно оглядываясь по сторонам. Я приготовил заклятие огненного шара. Шли довольно долго. Вдруг Лютый остановился так резко, что шагавший за ним мастер Триммлер уткнулся носом в его спину и беззлобно выругался.

– Не может быть... – озираясь, пробормотал Ом. – Не может быть! – произнес он уже громче. – Вот же следы...

– Что случилось—то? – спросил Зарайя.

– Я сбился с пути.

В это я тоже не поверил: Лютый чувствовал природу как никто из нас, к тому же был непревзойденным следопытом. И даже если бы случилось невозможное, все остальные капралы должны были это заметить. Ведь новичком здесь, собственно, был я один.

– Мы ходили по кругу, – изумленно сказал Лютый, – вон то кривое дерево я уже видел.

Дерево, на которое он указал, и вправду было замечательно кривым, на высоте локтя от земли его ствол разделялся на два, один из которых, более тонкий, обвивал другой, образуя нечто вроде спирали. Действительно, мне этот монстр тоже попался.

Ом, посетовав на собственную невнимательность и обозвав себя как только мог, утроил старания и повел нас дальше. Стоит ли говорить, что через полчаса мы оказались у того же уродливого дерева.

– Я думаю, морок это, лейтенант, – солидно откашлявшись, сообщил Зарайя.

Я уже и сам это осознал и призвал темную силу, в надежде определить измененным зрением, какие именно чары были применены. Волшбу я увидел, но она была какая—то непривильная. Во всяком случае, я никогда не наблюдал ничего подобного. Это было похоже на беловатую плесень, вьющуюся в энергию джунглей. Я не мог понять, каким источником напитано это заклятие. Да чего там! Не знал даже, заклятие ли передо мной!

– Лейтенант, к нам гости, – спокойно проговорил мастер Триммлер, вскидывая, однако, топор.

С двух сторон к отряду приближались зомби. Большинство были обычными вонючими кусками дохлой плоти, но имелась и парочка «живых»: один парганец, другой – наш, волк. Бывшие, конечно. На моей ладони загорелся ком огненного шара, ребята обнажили клинки мечей. Рутинная работа в сущности.

– Вон тому голову не рубить, взять целым! – скомандовал я, указывая на мертвяка в форме волка.

Я быстро подпалил пяток покойников, ребята разделились с остальными. Только двое – парганец и волк – сумели каким—то образом спрятаться от огня за стволами деревьев, чем привели меня в крайнее изумление. Видно, прав был Артфаал: их подвижность и реакции разительно отличались от привычных.

– Что еще за новости? – недовольно пробурчал Добб, с мечом в руке направляясь к двум мятежным зомби.

– Осторожно! – крикнул я. – И оставь одному голову!

Если эти твари такие «умные», может, и разговаривать умеют? Вдруг, да получится допросить и узнать, как выбраться из морока, и где Дрианн. Сотворив новый шар, я обогнул дерево, за которым прятался один из мертвяков, и все же испепелил его. Все, остался последний, и его нужно было поймать, чем и занялся Добб. Однако у зомби, очевидно, имелись иные планы на ближайшее время. Увидев воина с мечом, тварь тоже обнажила клинок. Только сейчас я заметил, что на поясе волка болтались ножны. Ну, это уже ни в какие ворота! Конечно, ожидать, что покойник продержится долго против Серебряного дракона, глупо. Но поражало даже одно намерение драться! Вдобавок ко всему, зомби сумел отразить пару атак капрала.

– Отойди! – крикнул я Доббу, опасаясь, что воин от удивления снесет твари башку.

Капрал отскочил, а я накинул на невиданную нежить заклятие Стальной сети. Невидимые пути стянули руки и ноги покойника, и тот упал.

– Во дает! – потрясенно воскликнул мастер Триммлер, причем это высказывание вряд ли относилось к моим умениям.

По моему кивку, Йок и Сайм, недовольно морщась, рывком подняли зомби и прислонили его к стволу дерева. Поначалу тот пытался освободиться от заклятия, затем, видимо, поняв (поняв!!!) бесполезность сопротивления, замер в неподвижности. Я подошел поближе и принялся разглядывать удивительную тварь. Так, на вид почти нормальный человек, настораживают лишь тусклые глаза и слишком бесстрастное, без определенного выражения, лицо. Но в целом по виду не имеет ничего общего с классическим зомби, скорее, напоминает любителя диджаха. Запах разложения тоже отсутствует. Что ж, попробуем...

– Ты кто?

Зомби молчал и лишь пялился по сторонам.

– Откуда ты? Кто твой хозяин?

Опять молчание.

– С кем ты разговариваешь, лейтенант? – удивился Зарайя. – Сжечь его – и дело с концом...

Но мне было нужно получить необходимые сведения, к тому же я подозревал, что эти твари умеют разговаривать, но делают это скорее всего лишь по приказу того, кто ими поведует. Так что попытки разговаривать нежить окончились ничем. Выхода не было... А как не хотелось... Я сделал глубокий вдох и погрузился в астрал. Зомби окутывала слабая, тонкая, покрытая дырами грязно—серая аура, вид которой не вызывал желания к ней прикоснуться. Тем не менее я шагнул в нее. Какая же это была мерзость! На сером фоне выделялись те же белесые, напоминающие плесень пятна, что составляли основу морока. Из всех каналов, питающих человека, остался один – скорее всего, ведущий к хозяину. Сознания как такового не было – я погрузился в странное сочетание наслаивающихся друг на друга образов и обрывков мыслей. Замелькали картинки: какой—то дом, окруженный высоким деревянным частоколом, груды мертвых тел, суеящиеся вокруг дикари... И затмевал все образ худощавого черноволосого мужчины лет сорока, который зорко всматривался вперед. Вдруг взгляд его сфокусировался на мне, и я понял, что некромант видит меня через искалеченное сознание зомби. Губы последнего зашевелились – и я почувствовал, как подобие мыслей, которое мне удалось прочитать, гаснет и исчезает. Однако перед тем как потухнуть окончательно, сознание мертвеца выдало яркий всплеск, показав во всех подробностях путь, которым шел сюда отряд нежити.

Я отстранился и, вернувшись в свое тело, согнулся в приступе тошноты. Когда в желудке не осталось ничего, чем можно было бы похвастаться, я распрямился и увидел, что покойник мертв, как бы это странно не звучало. Неведомый мне некромант оборвал нить, связывавшую его раба с этим миром.

– Соберите их в кучу, – скомандовал я.

Когда приказание было выполнено, швырнул в трупы огненный шар. Мало ли, вдруг колдуну снова вздумается оживить своих питомцев. Когда останки прогорели, я уверенно двинулся вперед, для надежности опять обратившись к темному источнику и осматривая дорогу измененным зрением. Теперь морок был не страшен – зная, где находится цель, я сумел разорвать его путы. Воины молча последовали за мной.

Мы шли по джунглям часа три, наверное. Рядом со мной шагал Лютый с арбалетом наизготовку. Теперь, когда мы покинули заколдованное место, Ом легко читал следы.

– Совсем недавно прошли, – время от времени бросал он, изучая примятую траву.

Да, я тоже был в этом уверен, только видел другие следы – остатки магических нитей, связывающих зомби с их повелителем.

– Стой! – вдруг вскрикнул Лютый, указывая на всполохи рыжего зарева, сияющего из—за деревьев.

Вне всяких сомнений, недалеко от нас шел магический бой, и я даже знал, кто в нем участвует. Осторожно, крадучись, прячась за деревьями, мы приближались к месту, откуда вставало огненное зарево. Вот он, виденный в астрале забор из высоких заостренных кольев, а за ним полыхает пламя и раздаются громкие хлопки высвобожденных заклятий.

– Дрианн? – вопросительно произнес Ом.

– А кто ж еще! – усмехнулся я.

Следовало поторопиться: если противник мага – тот самый могущественный некромант, сумевший создать одушевленных зомби, то долго мальчишке против него не продержаться. Я сплел заклятие Воздушного удара, напитав его мраком и постаравшись сделать не слишком сильным, чтобы не повредить Дрианну. И собирался было уже швырнуть волшбу, как вдруг Зарайя заорал:

– С боков!

С двух сторон на нас вышли вооруженные копьями, луками и похожими на флейты трубочками дикари. Воинственный вид туземцев не оставлял сомнения в их намерениях. В нас полетел град стрел и крохотных дротиков. Слава Лугу, я сумел разделить свое заклятие пополам и швырнуть его навстречу летящей смерти. Стрелы и дротики отнесло к деревьям. Парни закрылись щитами, Зарайя крикнул:

– Убирайте тех, что с трубками!

Я вспомнил рассказ бородача об отраве, которой пропитаны крохотные стрелки, которыми плюются туземцы. Зашелкали арбалеты, и несколько «флейтистов» повалились на траву. Я на секунду отпустил мрак и спешно накрыл отряд обычным Воздушным куполом. Ударившиеся в него стрелы безобидными тростинками попадали вниз. Что не мешало капралам стрелять в дикарей из арбалетов. А я сосредоточил внимание на старом туземце – явно гунгане – который торопливо окунул ошипанную кисточку в глиняный сосуд и принялся выводить на траве красные линии. Бесспорно, вместо краски дикарь использовал кровь, что не улучшило моего и без того пакостного настроения. Проще говоря, я из состояния тихой злобы перешел во вселенское бешенство. Нимало не задумываясь о человеколюбии, шарахнул по шаману заклятием Огненной стрелы, напитанным из темного источника. От старика осталась горстка сероватого пепла. Это изрядно деморализовало остальных дикарей, а я послал им навстречу череду огненных шаров.

Когда все было кончено, я развалил частокол, из—за которого продолжало нести магией. Картина, открывшаяся нашим взорам, поражала зрелищностью. Посреди большого двора курились уголья, оставшиеся от дома, и на фоне пожарища двое в обгорелой одежде швырялись друг в друга мощнейшими заклятиями. Вокруг недвижно замерли десятки зомби, еще несколько обугленных тел торчало среди останков уничтоженного жилища. Одним из сражавшихся, конечно, был Дрианн, а второй был знаком мне по картинке, виденной в сознании зомби. Ничего общего с дикарями – высокий худощавый мужчина, одетый в некое подобие черного халата, лоб перетянут черной же повязкой. Смоляные волосы, аккуратная борода, смуглое лицо, глаза, как два уголька. Каждое посланное в противника заклятие колдун сопровождал гортанным выкриком. Я посмотрел на его чары зрением мрака – да, это он навел морок на джунгли, и ему принадлежат зомби. Странная волшба, никогда такой не видел. Хотя Дрианн и держался молодцом, следовало ему помочь. Я накинул на свой отряд Черный кокон, надеясь, что он остановит заклятия некроманта, если тому вздумается поразить ребят. А сам сплел Стальную сеть и направил ее в колдуна. Тому не составило большого труда разорвать заклятие, но на мгновение некромант замешкался, что и стоило ему жизни. Блестяще выполненное копье Стратаны пронзило смуглому человеку грудь, а отправленный следом молот Дадды завершил начатое. Колдун взмахнул руками и медленно завалился навзничь, вызвав торжествующие крики парней. Я собрался было выкрикнуть похвалу магическому искусству Дрианна, когда маг, зашатавшись, упал на колени. Из рта некроманта вылетела прозрачная серая дымка и окутала мальчишку, а затем словно впиталась в его грудь. Я ринулся к Дрианну и попытался поднять его. Но его тело обмякло, и он то ли потерял сознание, то ли... Я живо отогнал эту предательскую мысль и приложил пальцы к шее парня.

– Что с ним? – к нам подбежал Лютый.

– Не знаю. Но он жив.

– Давай убираться отсюда.

– Нет. Осмотрите здесь все.

Мне было необходимо понять, что за чародей поселился в джунглях Санмы, и зачем он создавал целые толпы зомби. И какого, простите, Угелука ему помогали дикари? Я очень надеялся, что осмотр этого странного места поможет мне ответить хотя бы на некоторые вопросы. Пока же из всех сил пытался привести Дрианна в чувство: поливал его водой из фляги, хло-

пал по щекам. Бесполезно – скорее всего, поединок истощил мальчишку настолько, что у него совсем не осталось сил. Мне не давала покоя зловещая дымка, исторгнутая мертвым некромантом. Может быть, это было последнее заклятие, которым колдун поразил своего более удачливого соперника? Я вышел в астрал и принялся осматривать ауру мага: все та же прозрачная, чуть серебристая, дымка. Хотя... возможно, мне казалось, но в серебро словно бы вплелась чернь, как на изделиях знаменитых мастеров из Края водопадов...

– Лейтенант!

Я вернулся в свое тело и воззрился на Била.

– Чего это они, а?

Зомби. Не следует думать, что я забыл о них. Просто во время поединка волшебников они, не получив определенного приказа от своего хозяина, бездействовали. А потом, по всем законам магии, со смертью повелителя из них должно было уйти подобие жизни. Как бы не так! Сегодня на моих глазах рушились все каноны и догмы. Твари кольцом обступили нас с Дрианном, не предпринимая, впрочем, никаких попыток кого—либо сожрать. Я встал на ноги, почувствовав себя неуютно. Конечно, ничего не стоило их испепелить, но больно уж странно и страшно выглядела эта безмолвная, словно чего—то ждущая, не—мертвая толпа.

– Унесите его! – приказал я, указывая на Дрианна.

А сам решил избавиться от зомби и уже сотворил было огненный шар.

– Лейтенант! – ко мне подбежал Йок. – Там живые люди, разговаривают, помощи просят!

– Сейчас, только разберусь тут, – я размахнулся было, как вдруг выкрик Зарайи:

– Луг милосердный, что это? – заставил меня остановить замах.

Бил и Лютый вдвоем несли Дрианна в сторону леса, а за ними цепочкой, по одному, потянулись зомби.

– Так не бывает! – причитал Зарайя. – Да что ж это нынче в мире—то творится?

– Эй, лейтенант, что нам делать—то? – проорал Бил. – Мертвяки прутся следом, как привязанные!

Да, теперь сжигать зомби стало затруднительно, я боялся задеть своих ребят.

– Да чего там думать? – мастер Триммлер воинственно потряс топором и ринулся сносить головы мертвецам.

К нему тут же присоединился Добб, и вдвоем друзья изрядно проредили толпу покойников. Я же безнадежно махнул рукой, не понимая, что вообще происходит, и двинулся вслед за Йоком. Тот привел меня к утоптанному пятачку и сказал:

– Вот здесь, слушай.

Я опустился на колени и припал ухом к земле. Оттуда раздавались глухие крики. Кто—то звал на помощь.

– Наши там, по—галатски говорят! – взволнованно зашептал Йок.

Я призвал мрак.

Так... несомненно, здесь что—то вроде погреба, только накрытого заклятием. Снова те же разводы плесени, переплетающиеся в сложный рисунок. Времени на раздумья не было. Что делают с плесенью? Выжигают...

– Отойди! – приказал я Йоку, сплетая заклятие.

Стелющийся огонь должен подойти. Напитать из темного источника, активировать... Земля вспыхнула, и я увидел, как белесые пятна постепенно бледнеют, растворяясь в пламени. Вскоре перед нами открылся глубокий провал, из которого, теперь уже гораздо громче, доносились голоса людей.

– Сейчас, братцы! – заорал Йок. – Сейчас, потерпите, мы вас вытащим!

Я снял огненное заклятие, и мы вдвоем с капралом заглянули в яму.

– Ничего не видно!

А я видел. Оттуда, из темноты узкого, душного земляного колодца, на нас смотрели пятеро парней. Все в форме ястребов. Живые.

– Вытаскивайте! – я махнул рукой, а сам отправился посмотреть, как обстоят дела у Дрианна.

Маг очнулся и изумленно взирал на побоище, подходившее к завершению. Мастер Триммлер и Добб перекрошили уже почти всех зомби, которые почему—то не сопротивлялись и даже не пытались никого сожрать. Оставшиеся твари упорно старались пробиться поближе к обессилевшему парнишке, который лишь испуганно заслонялся руками. Гном же с капралом мертвяков подпускать к магу не желали и продолжали их планомерное уничтожение.

– Ты как? – спросил я.

– Нормально... только устал очень, – вздохнул Дрианн.

– Ничего! – я бегло осмотрел мальчишку. Ран вроде не было. – А ты молодец, некроманта завалил!

Между тем, покончив с зомби, Добб и мастер Триммлер принялись стаскивать останки в одну кучу. К ним присоединился Давин, с крестьянской обстоятельностью выкладывая из отрубленных конечностей аккуратное кострище.

– Да... ты извини меня, – покаянно сказал маг, – я хотел с Лавинией поговорить, отошел за кусты. А тут зомби и появился. Один всего. Встал за деревом и стоит. Я хотел поймать его, ну, как решили. А он почему—то не нападал, а наоборот, отступал. Вот я за ним и пошел. Интересно же!

Да, Дрианн в своем репертуаре. Любопытство в нем всегда было сильнее осторожности.

– А из—за дерева на меня еще трое напали, сзади. Я дрался, но они мне руки скрутили и потащили сюда.

Очень занятно, очень... Теория Артфаала подтверждалась. Эти зомби умеют мыслить, и не просто, а тактически! Значит... додумать я не успел, Йок с Флиннелом привели пленников, которых вытащили из ямы. Парни пошатывались и прикрывали ладонями глаза от яркого дневного света. Но ничего, держались.

– Капрал второго десятка первой роты первого полка Илан Зальский! – отрапортовал один из них.

– Мечник второго десятка первой роты первого полка Сид Дайнер!

– Вольно, ребята! – я махнул остальным и спросил Илана: – Как вы здесь оказались?

– Вчера в караул пошли. На нас дикари выскочили. Пока отбивались – шаман их что—то наколдовал, мы и уснули. Очнулись в яме, больше ничего не помню.

Беседа с остальными четверьмя ничего нового не дала. Все как один твердили то же самое.

– Лейтенант! – ко мне подошел Бил, глаза широко распахнуты, выражение лица такое, словно капрал из последних сил сдерживал тошноту. – Иди, посмотри сам.

За пепелищем, в джунглях, обнаружился большой дощатый сарай. Странно, но он даже не был защищен никакими заклятиями. Вдоль стен стояли зомби. Ястребы, волки, парганские наемники, дикари... не меньше сотни. Они словно были погружены в сон, если так можно выразиться о мертвых. Глаза закрыты, руки висят вдоль тел, головы склонены набок. Это напоминало склад оружия. Только оружием были покойники. Омерзительный запах разложения заставил меня задержать дыхание. Но откуда он? Вроде бы все не—мертвые были свежими, так сказать. Я обернулся и обнаружил источник вони: в углу сарая стоял стол, заваленный частями человеческих тел. Тут же громоздились обрывки веревок, железные скобы и болты. Посреди кровавой груды лежало нечто... собранное из кусков подобие человека. У него не хватало лишь головы, которая, очевидно, приготовленная для присоединения, лежала чуть поодаль, тарашась на нас пустотой мертвых глаз. В углу стояла целая охапка мечей, луков и арбалетов, рядом, в ящике, высилась гора арбалетных болтов. Тут же располагалась груда доспехов.

– Заберите, – кивнул я на них Давину и Флиннелу, которые следом за нами вошли в этот склад да так и замерли, потрясенно обводя глазами его содержимое.

Парни ухватили кто сколько мог оружия и доспеха и с облегчением на лицах ретировались.

– Что тут? – в сарай заглянул Дрианн. – Ты где, Рик?

Внезапно зомби, стоящие вдоль стен, пришли в движение. Глаза распахнулись, руки вытянулись вперед, и твари медленно, неуверенно, словно на ощупь, двинулись к нам. Отрубленная голова повела глазами, тело, лежащее на столе, конвульсивно задергалось.

– Назад! – заорал я.

Мы выскочили из этой ужасающей мастерской и захлопнули двери. Задыхающийся зеленый Бил отыскал толстую сучковатую палку и подпер ее снаружи. Сарай содрогнулся от ударов изнутри. Мы отбежали еще дальше, и я, сотворив огромный огненный шар, кинул его в строение. Раздался треск, пламя взметнулось к небу. А в моей ладони уже переливался новый ком огня, но даже он не мог по силе сравниться с охватившей меня злобой. Кострище, сложенное гномом и капрами из порубленных тел. Сжечь. Яма, в которой содержались пленники. Испепелить. Частокол. В огонь! Трупы дикарей, их жилища, окружавшие этот двор... Все дотла! Вокруг буйствовали оранжевые языки. Парни от греха подальше убрались в джунгли. Накинув Черный кокон, я в одиночестве стоял посреди беснующейся стихии. Вот он, труп некроманта, сотворившего всю эту мерзость. Отправляйся туда же! Вдруг взгляд упал на треугольный медальон, висевший на груди колдуна. Я сорвал вещицу, уронил на тело очередное огненное заклятие и вышел из пламени.

Мы убрались как можно дальше от этого омерзительного места. Вечером, на привале, устроили военный совет, на котором присутствовал и Артфаал.

– Что я говорил? – торжественно заявил он.

– А что вы говорили? – парировал я. – Ничего по существу, одни домыслы.

– Мрак в недоумении! – не обратив внимания на укол, воскликнул демон. – Никто не знает, что за новые силы разбужены в мире Аматы.

– Вот что было на груди некроманта, – я продемонстрировал всем свой трофей.

На медальоне было изображено солнце, поднимающееся из—за горизонта.

– Ну, так это символ Андастана, – пожал плечами Дрианн. – Мы на географии проходили...

– Андастан! – потрясенно пробормотал лорд Феррли. – Это многое объясняет. Но и многое запутывает...

– Объясните! – потребовал было я.

– Потом, потом, все потом! – заспешил Артфаал. – Дело слишком серьезное, я обязан доложить своему господину! – и исчез в темном воздухе.

– В истории магии было что—то про некромантов Андастана, – припомнил Дрианн. – Но я не учил...

– Молодец! – попенял ему Лютый. – Не учил он...

– Тихо! – рявкнул я. Не до вежливости мне было, а перебранка друзей сбивала с мысли. Следовало прямо сейчас принять какие—то решения.

– Так, вы пятеро, – я кивнул спасенным ястребам, – пробирайтесь к своим. Доложите полковнику, что зомби – дело рук андастанцев.

– Андастанцев... ты считаешь, их много? – нахмурился Ом.

– А ты думаешь в Санме имеется всего лишь один спятивший некромант, который поселился в джунглях и лепит из дохлятины куколок ради собственного развлечения?

– Сдается мне, не одна Паргания с нами воевать желает, – крикнул Зарайя.

– И не только с нами... – процедил я.

* * *

Нет больше вождя. Умер Бхарра—**гхор**. В бою погиб, как положено великому воину, мужчине. Крепкий был Бхарра—гхор, сильный был. Еще не проводил свою пятидесятую зиму он*. Мог бы долго еще он править племенем Гра—ориг, но сын его убил. Сам вождем быть хотел, сам шапку носить хотел... Честно убил, вызвал на **тайж'ах**. Старики потом говорили: все по правилам, по закону Морриган. Только прогадал Рранх, и сегодня собирается совет племени. И каждый воин может на совете вызвать Рранха на бой. Но бояться его все, сильный он, большой, как гора, и еще **хх'раис** он. Перед боем ест дурманные грибы и становится безумным, боли не чувствует, страха тоже. Все орки Рранха бояться, все, но не младший брат. У Бхарра—гхора три сына было, осталось двое: Рранх и Уран. Среднего, Дхара, тоже старший брат убил. Из—за Айки. Айка – хорошая орка, от нее будут хорошие дети. Много сыновей она может родить. Твердые груди у нее, прямая спина, и длинные, сильные ноги. Хорошо смотреть на Айку, когда она несет воду из реки, и когда по снегу пробирается с охоты. Залка – тоже хорошая орка, но от ее вида у Урана не колотится в груди: тук—тук. Почему?

Если Рранх шапку наденет, если вождем будет, выберет ту орку, которую хочет. А хочет он Айку...

Молодой Уран поднялся с валуна, на котором сидел, и потянулся, с удовольствием разминая затекшие мышцы. Высокий, на полголовы выше любого орка из своего племени. Широкий, могучий, как скала. И мысли у него в голове были тяжелые, как скалы. Рранх – хх'раис, хорошо ли, если он вождем будет? Отец всех троих братьев в **безумные войны** готовил. Старшие братья дурманные грибы ели, а Уран потихоньку выкидывал. Потому что видел, во что превращаются хх'раисы. Сначала они смелые и сильные, но потом, зим через десять, развалинами становятся. Только редко они до этого доживают. Потому что в бою себя не берегут. А это неправильно, хороший воин должен не только нападать, но и защищаться. Если всех воинов перебьют – кто останется? Нет, плохо если Рранх станет вождем. Он племя поведет на соседей – Дер—ориг. А они сильнее, и воинов у них больше. И полягут все Гра—ориг, а их женщин и детей Дер—ориг к себе заберут. Плохо... Зачем Рранх отца убил? Старики говорят: правильно, честно. Но разве не бояться они, что их сыновья тоже своих отцов убить захотят? Разве не вырастут наши сыновья и не захотят с нами разделаться? И разве не заботился вождь Бхарра—гхор о Рранхе? Разве не он старшего сражаться учил? Не он ли на охоту брал его, маленького совсем, зверя бить учил, след читать учил? Кто все умения Рранху, Дхару и Урану дал? Он дал, отец. Нет, неправильно это. Неправильный закон, нечестный. Нельзя отцов убивать, они жизнь прожили, они знают много, советы дают. А еще Айка... Рранх и Дхара из—за нее задушил... Барабан бьет, зовет орков на совет племени.

Жесткие черные волосы, стянутые в конский хвост, развевались на северном ветру, мощная челюсть упрямо выпятилась. Уран задумчиво посмотрел на свой огромный кулак. Нет. Не быть Рранху вождем, не носить шапки, не получить Айки. Молодой орк, проводивший восемнадцатую зиму, решительно зашагал к **каранге** шамана, где уже собралось все племя. Орки сидели на земле, слушая, что говорит стоящий перед ними Рранх. В руках воин держал символ вождя – шапку из меха золотой лисы, украшенную самоцветами.

– Орки! – низким, грозным голосом выкрикивал он. – Я – вождь, и шапка – моя. Я честно ее заслужил в бою, отца убил.

– Да, честно, – подтвердил шаман – сморщенный, как гриб—трухлянка, старичок с хитрыми, вечно бегающими глазками, – по закону Морриган.

– Да! – многоголосый вопль могучих глоток был ответом на слова Рранха.

– Вы признаете меня своим вождем, орки?

– Признаем!

– Вы пойдете за мной в битву?

– Пойдем!

Рранх увидел подходящего к каранге Урана и стиснул зубы так, что все услышали их скрежет. И почему он оставил щенка в живых? Почему не уложил рядом с Дхаром? Не пожалел, нет. Просто сил у него после драки со средним не осталось. А Уран здоров и могуч, даром что молод. И он тоже хочет Айку... Вон она стоит поодаль, высокая, гордая. Волосы – как хвост дикой кобылицы, глаза – как уголь, груди – как холмы—близнецы, что за Волчьим лесом. Щурится Айка, кривит губы, недовольна, не хочет быть Рранху женой. Ну, ничего, вот сейчас станет он вождем – за волосы притащит Айку в свою карангу. И никто ничего не скажет, все только кланяться будут. А она привыкнет, хорошей женой будет. Все боятся Рранха. Скоро, скоро...

– Или есть орки, которые хотят поспорить за шапку? Есть среди вас те, кто готов сразиться со мной?

Рранх обвел племя тяжелым взглядом. Мужчины опускали глаза: слишком уж силен, слишком злобен. С таким драться – смерть. А если дурманных грибов наестся – хуже самого Сацеола становится. На лице Рранха заиграла торжествующая усмешка. Он высоко поднял над головой драгоценную шапку, показывая ее всему племени. И уже собрался было надеть ее...

– Не спеши, брат. Я хочу с тобой сразиться.

Уран, сорное семя... Рранх оглянулся по сторонам. Эх, раньше бы шапку надеть – тогда уже никто бы не посмел спорить. Но на лицах орков не увидел поддержки. Младший честно вызвал его на бой, отказаться нельзя. И шаман, старый лис, ехидно подтвердил:

– Честно это. По закону Морриган.

И племя рявкнуло:

– Да! Тайж'ах!

Айка руки к груди прижала, смотрела блестящими глазами. Не на него смотрела, на Урана – младшего недобитка. Голыми руками хотел разорвать его Рранх, удушить хотел...

– Что оружием выбираешь? – спросил шаман.

Старший брат выкрикнул:

– Кинжал! Сердце вырежу из твоей груди!

Усмехнулся Уран. Зря Рранх ест свои грибы, зря... Сейчас в нем злоба говорила, бешенство. А воин думать должен. У кого руки длиннее? Кто гибче и моложе? Кто ловчее? Уран. Что ж, брат сам свою погибель выбрал.

– Завтра на рассвете, когда солнце взойдет, будет тайж'ах! – провозгласил шаман.

Ушел Рранх в лес, грибы дурманные искать. А младший брат в каранге лежал, думал. Он завтра победит старшего и наденет шапку сам. Не хотел Уран так рано вождем становиться, да видно, делать нечего. Надо в племени порядок наводить, надо сильным его делать. Гра—ориг друг друга ненавидят, дерутся все время, сын на отца идет, отец – на сына, брат – на брата. А надо – чтобы друг за друга горой стояли, вот тогда будет могучее племя. Закон Морриган? Плохой это закон! В Гра—ориг будет закон Урана. Справедливый.

– Хэй, воин, – тихий шепот.

Следом Айка в карангу зашла, присела, смотрела на задумавшегося орка.

– Что тебе, Айка?

– Убей Рранха. Не хочу его женой быть.

– Убью, – пообещал ей Уран. – А моей женой будешь?

– Да, – прошептала Айка. – Сейчас буду.

– Что ты, орка? Если вдруг завтра я умру?

– А мне все равно, я тогда тоже лучше умру, а к Рранху не пойду!

Айка скинула с себя длинную рубаху, упала рядом с Ураном на медвежьи шкуры, потерлась лицом о его широкую, могучую грудь.

– Не буду без тебя жить, воин!

Летом ночи короткие...

А на рассвете был тайж'ах. Стояли Уран и Рранх друг напротив друга, кинжалы в руках сжимали. А между ними – старый шаман. Взмахнул лисьим хвостом, отбежал в сторону. Начался бой. Медленно кружил Уран, правая рука вперед выставлена, левая – сторожоко грудь и шею прикрывает. Глаз с брата не спускал, крался, как росوماха, рыскал, как волк, стелился, как лиса. Ярился Рранх, глаза его ненавистью горели, бешенство кровь горячило. Не было у него терпения вокруг да около ходить, яд грибной безумие нагонял. Завыл Рранх, как **нордар**, зарычал, как **вулкорк**, и ринулся на младшего брата, как зимний ветер ледяной. Отпрянул Уран в сторону, пронесся враг его мимо. Орки зашумели: на левой руке Рранха кровь выступила, младший брат успел его задеть, и даже рукав **теленги** рассек. Падали на землю красные капли.

– Сердце твое вырежу! – взревел старший и снова кинулся вперед.

Опять увернулся Уран, но на этот раз кровь появилась на его руке.

– А—а—а! – провыл Рранх, пьянея от ее вида еще сильнее, чем от грибов. – Я пожру твое сердце, шенок!

Зашептались орки: никто не поедает сердце врага, кроме шаманов. Айка губу закусил: нет, не пойдет она в карангу старшего брата. Уж лучше смерть, как решила.

А Рранх опять, как бешеный зверь, бросился на младшего брата. В сердце метил своим кинжалом, и даже теленга не спасла бы Урана от могучего удара. Но ускользнул Уран, обманул врага, которому тьма пьяная глаза застилала. Ушел младший брат в сторону, а старший застыл на одном месте. И страшен был взгляд его, и хрип ужасен. А горло его разверсто было, и хлынула кровь рекой. Зря Рранх грибы ел, зря... Руки у Урана длиннее, а сам он – ловче.

Птицей лесною вскрикнула Айка, побежала к Урану, обняла, прижалась. Вышел шаман из своей каранги, с поклоном подал шапку лисью. Взревели орки:

– Вождь! Уран—гхор!

Указал Уран на Айку:

– Жена моя!

А шаман к телу Рранха подошел, нож острый вынул.

– Что делать собираешься? – спросил Уран—гхор.

Замолчали орки, все знали, что шаман сердце хочет вырезать, его это добыча, законная. Молчал и сам шаман, глаза хитрые прятал. Видел, зол вождь, недоволен.

– Развести погребальный костер! – приказал Уран—гхор. – Упокоить моего брата как великого воина! Отныне вырезавшему сердце орка – смерть!

Скоро под грустное пение женщин поплыл по реке Орени пылающий плот. Так орки героев провожали. Стоял на берегу Уран—гхор, обнимал за плечи свою Айку, с братом прощался. И думал, думал... Много еще у него было впереди дел, много ему предстояло свершений.

* * *

Вот оно, Зеленое сердце, передо мной. Как—то не ожидал, что оно появится так... резко, что ли. Вообще—то, думал, просто те джунгли, по которым мы шли все это время, постепенно перейдут во что—то качественно иное. Ну, не знаю... станут гуще, к примеру или еще что. Но нет, привычный лес оборвался, превратившись в широкую, в майл примерно полосу ровной, дотла выжженной земли.

– Местные жгут, – спокойно пояснил Зарайя.

– Зачем? – не понял я.

– Ну, чтобы твари из Зеленого сердца не вздумали выйти. Два раза в год пал устраивают.

Мы шли по толстому слою пепла, а впереди стояло нечто неповторимое. Я не удержался и на секунду вышел в астрал, чтобы взглянуть на ауру, окружающую этот лес. И мне сделалось жутко. Как бы это объяснить? Невероятной мощи белое сияние, окутывающее эти джунгли, не несло в себе ни дружелюбности, ни враждебности. Оно просто было принципиально другим. Здесь царила магия – первозданная, первобытная, первородная, изначальная – магия самой природы. И плевать ей было на нас и на всех остальных. Напрасно жители ближних земель устраивали пал – я почему—то почувствовал, что лес и сам не стремится выходить за свои границы. Этот кусочек мира был до того самодостаточен, что не нуждался ни в других территориях, ни в пришедших извне и, как мне показалось, мог уничтожить нас лишь за то, что мы появились на его земле. Здесь скорее всего не станут работать амулеты и талисманы (может быть, кроме вещей, сделанных с добавкой паурония), и все мои знания покажутся жалкими и ненужными. Трудно себе представить, какими должны быть племена, населяющие Зеленое сердце. Да что там племена – невозможно даже предположить, какие здесь звери и растения! А уж магические сущности – лучше бы с ними не сталкиваться. Хотя готов прозакладывать душу, джунгли полны ими. Да, это вам не простенькие, изученные леса Галатона. Даже загадочный Аллирил по сравнению с Зеленым сердцем выглядел детской лужайкой. Ну что там, в Аллириле? Лесовики, вудерсы, феи—светлячки, духи деревьев, ну, **выворотни**, наконец! Вся нечисть знакома, поддается магии, имеются методы борьбы с ними. А здесь...

Дрианн разделял мои чувства.

– Рик, а ведь здесь, может быть, все магическое, – сказал он.

Вполне возможно, кстати. И как, скажите, путешествовать по лесу, в котором каждая былинка, каждый стебелек, каждая букашка обладают собственной силой?

– Ну, чего встали? – подбоchenился неунывающий мастер Триммлер. – Вперед, ребята!

И мы вошли под сень невероятных деревьев Зеленого сердца. Их кроны, переплетаясь где—то в невозможной высоте, создавали сплошной покров, и солнечные лучи, с трудом пробивавшиеся сквозь него, окрашивались в изумрудный цвет. Серебристо—зеленая трава, в которой пестрели чудесные цветы, тихо покачивалась в безветренном воздухе, шепча что—то свое, древнее и волшебное. С первого взгляда становилось понятно, что нога человека много лет, а может и столетий, не оскверняла этой природной цитадели. Впрочем, возможно, здесь обитали какие—то племена, но, думаю, их нельзя было назвать людьми в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это слово. Чтобы жить в этих джунглях, необходимо было стать их частью, пропитаться волшебством этих мест. Я пропустил вперед Лютого, здраво рассудив, что если кто и сумеет пройти по этому лесу, то только эльф, пусть и полукровка. Тот сразу же отыскал звериную тропу – еле заметную в зарослях тоненькую ниточку и, вскинув арбалет, медленно двинулся по ней, замирая на каждом шагу и глядясь в каждое дерево, в каждый куст.

– Так мы далеко не уйдем, – недовольно проворчал гном, однако подчинился заданному Омом темпу.

Я призвал мрак, исключительно для того, чтобы обследовать джунгли с помощью измененного зрения. Не станешь же беспрестанно выходить в астрал. Как и предполагал Дрианн, магия была повсюду – она горела на каждом листке, переливалась на кончике каждой травинки, звучала в неземных голосах невидимых из—за густых крон птиц, порхала с бабочками, мерцала в чашечках цветов, разливалась в воздухе и струилась по земле. Определить и классифицировать ее я, конечно же, не сумел. Единственное, что не увидел даже, а скорее интуитивно почувствовал – она была нейтральной. То есть, теоретически, у нас был шанс пройти джунгли и остаться в живых. Если не причинять вреда здешним обитателям. Имелась одна небольшая загвоздка: суметь донести до этих самых обитателей свои мирные намерения.

– И ничего страшного в этом Зеленом сердце нет, – голос Била нарушил наше напряженное молчание. – Смотрите, красота какая вокруг! А вон зверюшка смешная!

Капрал указал на пышный куст, под которым сидело животное, напоминающее лесную кошку. Оно было величиной с небольшую рысь, и на ушах его имелись такие же кисточки. Шкура зверя поражала абсолютной белизной, ярко—синие глаза с любопытством таращились на нас, ноздри розового носа осторожно втягивали воздух.

— Ишь ты какой! — вскинув арбалет, Бил двинулся в сторону кошки.

— Стой! — крикнул Лютый.

— Да чего ты? Смотри, шкура какая! В Галатоне ей цены не будет!

— Ты ее все равно выделать не сможешь, сгниет. Не убивай зверя!

Бил только отмахнулся, глаза горели извечным, мужским охотничьим инстинктом. Меня холодной стрелой пронзило острое предчувствие беды. Я раскрыл рот, чтобы отдать капралу жесткий приказ вернуться в строй, да так и замер. Дальнейшее напоминало страшный сон. Когда до неподвижно сидящего животного оставалось не больше пяти шагов, кусты позади него зашевелились, и из них вышел второй зверь. Еще одна кошка, но огромная, раза в два больше саблезубого льва, виденного мной в степи Унгды. Шкура ее, тоже белая, отливала расплавленным серебром. Животное встало перед маленьким зверем, заслонив его собой, и уставило на нас неподвижный взгляд синих с вертикальным черным зрачком глаз.

— Это мать и детеныш, — обморочно проговорил Дрианн.

Руки сами собой сплели заклятие огненного шара, но я, не понимая почему, тянул с броском. Под взглядом зверя движения мои замедлились, и я почувствовал сильную сонливость. Но вот белоснежная кошка перевела взгляд на Дрианна, и тот тихо, словно обессиленно, опустился на траву. Видимо, действие магнетических глаз испытали на себе и остальные, потому что капралы, зачарованно глядя на животное, сделали шаг вперед.

— Вы куда это? — возмутился мастер Триммлер, поднимая арбалет.

Бил, словно придя в себя, резко дернулся, пытаясь убежать, и кошка совершила молниеносный прыжок. Что—то круглое покатилося по траве и остановилось прямо у моих ног. Я опустил глаза и застонал: передо мной лежала голова Била. Зверь, встав над его еще агонизирующим телом, жадно слизывал кровь, струей бьющую из шеи. Раздался щелчок: гном выстрелил из арбалета. Следом, с воплем: — Пли! — выстрелил Ом.

— Очнись, ребяташки! — заорал мастер Триммлер.

Я швырнул в чудовище огненный шар. Но мощное заклятие, которое должно было испепелить животное, лишь подпалило его серебристую шерсть. Пламя все же причинило зверю боль, потому что он огласил джунгли яростным рыком. Наконец капралы очнулись и тоже принялись обстреливать кошку. Болты впились в ее тело, и на шкуре выступали пятна крови, но это ничуть не останавливало существо, которое совершило очередной прыжок, теперь уже в сторону Сайма. Если бы не Лютый, с силой толкнувший парня сбоку, мы лишились бы еще одного воина. Сайм с треском обрушился в какие—то кусты, а кошка разочарованно взвыла и повернулась к Ому.

— Живучая тварь! — пропыхтел гном, прицеливаясь. — Сейчас я в глаз ее...

Не попал... болт скользнул по широкому кошаьему лбу, оставляя кровавый след. Зверь зарычал. Детеныш бросился в кусты, предоставляя поле боя матери. Мы с очнувшимся Дрианном поливали чудовище всевозможными заклятиями, но не очень успешно. Молот Дадды, правда, отшвырнул кошку на десяток локтей назад, но тем не менее она вернулась и снова кинулась к Сайму. В локте от капрала тварь остановилась и уставилась на него, не обращая внимания на впивающиеся в шкуру болты и устремляющиеся к ней заклятия. Вместо того, чтобы отбежать или на крайний случай встретить зверя арбалетным выстрелом, парень замер, со странным выражением глядя в сверкающие синие глаза.

— Зачаровывает она взглядом, вот что! — выкрикнул мастер Триммлер.

Я посмотрел на кошку зрением мрака. Нет, все не так просто. Скорее всего, зверь слеп, в нашем понимании этого слова. Болт, выпущенный гномом и вонзившийся в ее правый глаз,

это доказал. Тварь лишь помотала башкой и снова воззрилась на Сайма. Чтобы понять, как справиться с чудищем, мне нужно было в первую очередь разобраться, как оно воздействует на людей. Пришлось выходить в астрал, рискуя пропустить нападение твари. Кошку окружала та же аура, что переливалась над Зеленым сердцем. И от нее к дымке Сайма протягивались тонкие нити. Тут Лютый сумел поразить второй глаз животного, чем вызвал новый раскат рычания, но общей картины это не изменило. Кошка продолжала безошибочно ощущать, где находится добыча. Взбешенная сопротивлением, она прыгнула на Сайма. На этот раз капрала спас Добб. Он ринулся на зверя и вонзил ему глубоко в брюхо свой меч. Тяжелое тело обрушилось на Добба, и они вместе покатались по траве. Я вынырнул из астрала и подбежал к твари, которая все еще оставалась жива. Как воздействовать на ее ауру, я не знал. Швырять заклятия было слишком опасно, я мог задеть капрала. Оставалось лишь пытаться добить живучее существо. Раз за разом я вонзал меч в тело животного, чувствуя себя мясником, палачом, не знаю кем еще. Мои руки окрасились кровью, но кошка продолжала жить и бороться. На помощь мне кинулся мастер Триммлер и принялся рубить зверя топором. Вскоре к нам присоединились все воины, кроме Лютого с Дрианном. Наконец тело кошки дрогнуло и обмякло, когтистые лапы разжались, выпуская израненного, еле двигающегося, но все же живого Добба.

– В сердце попал, – простонал капрал, переворачивая тяжелую окровавленную тушу и демонстрируя нам дагу, вонзенную в середину груди. – Сердце у нее... посередке.

Добб с трудом выдернул свое оружие и захромал к маленькой лужайке, покрытой пушистой травой. Там он уселся и предоставил Дрианну суетиться вокруг него, осматривая раны.

– Царапины, правда, очень глубокие, – сказал маг, промывая длинные кровавые борозды и накладывая на них мазь, предусмотрительно взятую из госпиталя Марьяны.

– Лейтенант, надо бы Била похоронить, – сказал Сайм.

– Да.

Погребальный огонь уничтожил то, что осталось от нашего товарища. Капралы молча стояли, глядя на волшебное пламя, которое я контролировал, не давая распространяться дальше. Не хотел навредить джунглям. Первый день в Зеленом сердце – первый погибший. Дойдет ли кто-нибудь до цели? И где ее искать, эту цель? Я предчувствовал, что странное животное, умеющее видеть ауры и зачаровывать прикосновением к ним – это лишь начало череды жутких и опасных явлений этого мирка. Скорее всего, хищник напал на нас потому, что не знал, кто такие люди. Он ощутил чуждую энергетику и решил, что к нему идет добыча. Если бы он хоть раз сталкивался с человеческими особями, возможно, забрал бы детеныша и ушел с нашей дороги. Но животное не могло оценить степень опасности.

– Все вышло плохо, – тихо произнес стоящий рядом со мной Лютый.

Я удивленно воззрился на него. Мог бы этого и не говорить. Чего ж хорошего – потерять товарища.

– Этот лес отомстит, – пояснил Ом свою мысль.

Здесь я сомневался. Конечно, эльфы относятся к природе иначе, чем мы. И в Лютом, видимо, говорил голос крови. Но не могли же мы дать кошке сожрать нас только для того, чтобы не потревожить лес! Она нападала – мы защищались. Все честно. Хотя... у меня самого все еще перед внутренним взором стояла картина кровавой расправы. И становилось не по себе.

Попрощавшись с Билом, мы двинулись дальше. Наступал вечер, и необходимо было найти место для ночевки. Хотя о том, какие существа появляются здесь по ночам, мне ни думать, ни гадать не хотелось.

Наконец отыскивали небольшую полянку, со всех сторон окруженную кустами. Развели костер и, выставив часовых, уселись вокруг огня. В караул вызвались Зарайя и Флиннел. Затем наступала наша с Лютым очередь. Не знаю, возможно, солнце еще не зашло за горизонт, но в Зеленом сердце уже наступила темнота. Смолкло птичье пение, и лес наполнился иными звуками – пугающими и загадочными. Из черного воздуха на нас смотрели чьи-то сияющие

глаза – с земли, с деревьев, а иные искры проносились прямо перед лицом. Я призвал мрак и попытался определить, насколько опасны рыщущие в темноте существа. Пока ничего особенно пугающего не заметил: мерцающие взгляды принадлежали в основном мелким хищникам, которые вряд ли осмелились бы напасть. Мы жевали сухари, запивая их водой, и оглядывались по сторонам. Хоть я и заверил ребят, что нам ничего не грозит – все равно всех жуть брала. Добб сразу же завернулся в плащ и улегся спать – царапины, нанесенные зверем, причиняли капралу немалое беспокойство. Мастер Триммлер, протирая свой топор, мурлыкал под нос какую-то очередную немзыкальную песню. Йок, щуря на огонь свои зеленые глаза, о чем-то глубоко задумался. А я вспомнил его татуировку. Если капрал Мелли – боевой маг, почему он не применяет свои знания? Этот вопрос давно уже всплывал в моем сознании, но за безумием последних дней я все забывал его задать. В этот момент та же мысль озадачила и Дрианна, мальчишка решительно и прямо спросил:

– Так вы – боевой маг, Йок?

Воины дружно расхохотались, а капрал проявил несвойственную ему застенчивость. Стыдливо опустив кошачьи глаза, досадливо хмыкнул:

– Из меня чародей, как из девственницы – жрица Неи.

– А откуда тогда татуировка? – настаивал маг. – Их так просто не делают...

Действительно, если клан Драконов узнает о самозванце, его ждет жестокая расправа. К тому же, магические татуировки, насколько я знаю, умеет выполнять всего один мастер – гном. Думаете, просто придать изображению на коже золотое, серебряное или огненное сияние? Волшебные красители очень дороги и сложны в приготовлении.

– Откуда—откуда, – разозлился Йок. – Все оттуда же, бездну в жены мастеру Мильхену!

– Да расскажи, чего ты! – со смехом произнес Сайм.

– Что тут рассказывать? Сдал я экзамен на Зеленого дракона, мало того, что пришлось драться поочередно с лучшими воинами клана, да потом еще и посвящение проходить. На следующий день кое-как доковылял до клятого гнома...

– Но—но, не очень—то! – перебил его с интересом слушавший мастер Триммлер.

– А пить надо меньше, – окончательно взбесился Йок. – Все знают: у гномов головы крепкие, вас обычным пивом не проймешь. Вот бородатый и набрался **Глубинной радости** собственного приготовления.

– Ты ври, да не завирайся, – возмутился гном. – Мастер Мильхен отродясь не пил! Ну... почти.

– Вот именно, почти. Он в тот день рождение дочки праздновал.

– А, ну, так это – святое дело! – обрадовался сын гор.

Да, судя по рассказам мастера Триммлера, для гномов появление ребенка – самая большая радость. Почему—то горный народ не отличается особой плодовитостью, как правило, в семьях растет по два, редко, по три гномика. Случается, что разница в возрасте между детьми значительная – ведь гномы живут несколько дольше, чем люди. Поэтому бывает, что старшие живут отдельно, а младшие с родителями. Но все равно, больше четырех отпрысков – это редкость. И особое торжество закатывается по поводу рождения дочери. Просто потому, что эта раса очень чтит материнское начало, женщина для них – хранительница очага, созидательница новой жизни, уважаемая и любимая. Что не мешает мужчинам—гномам верховодить во всем. Именно поэтому никто гномих отродясь не видел, они занимаются домом и детьми, а главы семейств берут на себя всю тяжелую работу и торговлю с людьми. Правильный народ, между прочим.

– Ну, и что? – поторопил Дрианн.

– Ну, и все, – передразнил его Йок. – Краски он перепутал. А когда в себя пришел – поздно было, его волшба такая крепкая, что просто так не выведешь. Для этого нужны какие—то особые притирания, которые готовят только в Золотой цепи. Этот пьяница их выписал,

но ждать надо было долго. Пришлось еще и с кланом объясняться. А тут – срочная отправка в Куум. Так я и не сумел цвет татуировки изменить. С тех пор и в Галатоне—то толком не был. Сами знаете, сколько у нас миссий было. Ну да ничего, вот вернусь – не отстану от гнома – пусть переделывает.

Да, все объяснялось предельно просто. Понятно теперь, почему капрал Мелли не любил распространяться об этой истории. Наверняка объяснения с кланом вышли невеселые, и уж точно ругань с гномом была знатная. Ну, а насчет возвращения в Галатон... Хотелось бы мне иметь хоть четверть его уверенности.

Мы улеглись отдыхать. Как только мои глаза закрылись, я крепко уснул. Разбудил меня Зарайя, трясший мое плечо и повторяющий:

– Вставай, лейтенант! Твоя очередь в караул заступать!

Что тут поделаешь! Ом уже стоял на краю поляны и внимательно вглядывался в окружающую нас темноту. Я кивнул ему и занял свой пост на другом конце лагеря.

– А я? – сонным голосом обиженно спросил Дрианн.

– А тебе завтра в караул, – ответил Лютый.

– Завтра – само собой, а я и сегодня хочу! – возмутился парень. – И вообще, где лорд Феррли?

– Здесь я, здесь, – ворчливо откликнулся в моем сознании красивый баритон. – Дабы не раздражать лишний раз своим видом капралов, решил дожидаться вашего дежурства. – Артфаал возник на плече довольного мага. – Как я сегодня заметил, вы уже успели познакомиться с одним из местных обитателей?

– Да. Кто это? – спросил я.

– Дорогой барон, откуда же мне знать? Зеленое сердце – абсолютно неизученная часть Аматы. У меня нет никаких сведений об этих джунглях. А познавать их, так сказать, эмпирически, у меня нет ни желания, ни возможности. Это процесс слишком долгий и кропотливый.

– И вы совсем ничего не можете сказать?

– Только свои выводы из сегодняшних наблюдений. Вы, наверное, уже заметили, что белая пантера – вы не против, если я буду называть это прекрасное животное так? – обладает астральным зрением. Она очень жизнеспособна и почти нечувствительна к магии. На вас напала потому, что вид ваших аур ей незнаком.

– Ну, это я и сам понял, – перебил я демона.

– Прекрасно! А поняли ли вы, что основным оружием этого великолепного существа является умение преодолевать ментальные барьеры?

Сколько умных слов! Я невольно поморщился. Зато Дрианн чрезвычайно оживился:

– Как интересно! Значит ли это, что остальные обитатели джунглей тоже могут вторгаться в сознание и подчинять его себе?

– Ну, ведь никогда не узнаешь, пока не увидишь собственными глазами, – беспечно ответил лорд Феррли. – Но скорее всего, вся магия Зеленого сердца основана на взаимодействии энергий и сознаний. Ведь смотрите что получается: белая пантера так велика и стремительна именно потому, что воздействие ее сознания на обитателей этого леса носит непродолжительный характер. То есть, зверь может зачаровать свою жертву всего лишь на краткий миг. Потом ему для нападения требуется высокая скорость и огромная сила.

– Что—то оцепенение Сайма кратким не назовешь, – пробурчал я.

– Делайте выводы, дорогой барон. Представьте теперь, насколько сознание любого здешнего кролика или оленя сильнее человеческого, и насколько надежнее оно защищено от вторжения за ментальный барьер.

Я собрался было от души выругаться на гипотетического кролика, обладающего могучим сознанием, но вдруг увидел, как Лютый вскинул арбалет, целясь куда—то вправо от меня. Несколько мгновений Ом целился в кого—то, потом обессиленно опустил оружие, и на лице

его расцвела блаженная улыбка. Я проследил за его взглядом и сам обмер: из темноты джунглей к нам выходило самое прекрасное существо, какое только мог представить человеческий разум. Словно выплывшее из древних сказок и легенд, окруженное радужным мерцанием, оно бесстрашно подошло к костру и остановилось посреди поляны.

– Это то, что я думаю? – благоговейно прошептал Дрианн.

– По всей видимости, это действительно единорог – именно таким его описывает справочник мифических существ, – кошачья морда Артфаала приобрела самое счастливое выражение.

Мы вчетвером не отрываясь смотрели на великолепное животное. Единорог был очень похож на благородного скакуна, только чуть меньше. Гладкая белоснежная, без единого пятнышка шкура играла радужными бликами. Серебряная грива спускалась до земли. А длинный прямой рог на лбу переливался, словно был сделан из хрусталя. Осторожно переступая через спящих, единорог прошелся по поляне, потом остановился напротив Лютого и тихо пристукнул копытом. Ом, казалось, даже дыхание затаил. Чудесный зверь посмотрел на него и двинулся к Дрианну. Он долго переводил взгляд с мага на демона, сидящего на плече у парня. Любопытный мальчишка протянул руку, чтобы прикоснуться к единорогу, но тот встряхнул головой, впрочем, вполне добродушно, и отошел. Наконец он остановился напротив меня, и я увидел его глаза. Бархатные, карие, как большие спелые сливы. Беру назад свои слова о том, что не бывает чисто белого цвета и абсолютного добра. Бывает! Шкура единорога сияла идеальной белизной, а сам он являлся воплощением всего светлого и доброго. Он немного грустно покивал мне головой, а я сдуру, не зная, чем угодить, протянул ему обломок сухаря, который собирался съесть буквально перед тем, как появилось это чудо. Единорог, казалось, удивился. Он потянулся мордой к моей руке, с интересом обнюхал угощение, а потом вдруг взял его с моей ладони мягкими губами. И съел. Так вот запросто, как обычная лошадь. И поддел мое плечо носом, благодаря за подарок. Осмелев, я прикоснулся к его шелковистой гриве, потом погладил мягкую шерсть на голове. Сказочное существо еще немного постояло рядом со мной, потом так же плавно уплыло в глубины джунглей.

– О—о—о, – выдохнул Дрианн, – а я думал, они только в легендах бывают!

– Честно говоря, я тоже не верил в их существование, – признался Артфаал.

– А какой красивый! – восхитился маг.

Пожалуй, впервые никто ему не возразил в ответ на любимую фразу. Действительно, единорог был прекрасен, как мечта, как самый добрый сон из детства.

– Но что он делает в Зеленом сердце? – пожал я плечами.

– Как что? Живет он здесь! – ухмыльнулся демон. – Значит, все же единороги – не выдумка сказочников. Они существовали в действительности. Просто везде их уже истребили, а вот в Зеленом сердце – людей нет, потому и убивать их некому. Здесь все именно так, как было с момента сотворения Аматы.

Наше дежурство подходило к концу, мы разбудили следующих караульных, а сами улеглись спать. До самого утра мне снился прекрасный единорог, выходящий из дремучих джунглей в окружении радостного сияния.

Но все хорошее быстро заканчивается. Наступило утро, а вместе с ним пришли и новые заботы. Мы двинулись дальше, вглубь джунглей, следуя за Лютым, который вел нас звериными тропами. Куда? Вот бы знать! Не было у нас никаких указателей и ориентиров, приходилось полагаться лишь на чутье Ома. Чем дальше мы заходили в лес, тем страннее становилось вокруг. Под ногами шелестели настолько удивительные растения, что их одних хватило бы, чтобы привести в восторг весь магический университет в полном составе. Здесь были какие —то желтые цветики, тонкие длинные стебли которых извивались сами по себе, норовя ухватить нас за ноги. Были поющие цветы. Большие, похожие на подсолнухи, только с синими лепестками, они издавали приятные звуки, складывающиеся в таинственную, ни на что не

похожую, мелодию. Это была песня самого Зеленого сердца – загадочная, древняя и по—своему очень красивая. Еще имелись цветы ароматные, цветы едкие, цветы вонючие. Травы, качающиеся без ветра, кусты—мухоловки и более крупные – охотящиеся на мышей и лягушек. Дрианн с восторгом подскакивал к каждому растению, и мне приходилось его оттаскивать, памятуя, что в таком многообразии непременно окажется какая—нибудь ядовитая пакость. Поэтому богатство растительного мира мне уже изрядно поднадоело, и когда маг сообщил, что нашел цветочки, у которых вместо серединки – крошечные звериные мордочки, я даже не удивился. Конечно, растения не могли полностью завладеть вниманием парнишки – имелись ведь еще птицы, звери и насекомые. По счастью, первые и вторые не слишком—то себя обнаруживали. Птиц почти не было видно из—за густых ветвей, но когда появлялись... Были среди них, конечно, очень красивые: большие, с пестрым оперением и длинными носами, и наоборот, совсем крошечные, которых я поначалу принял за блестящих мушек, с ноготь величиной. Но порой пролетали мимо и откровенные уроды: так, например, мне совершенно не понравилось голое, покрытое редким пухом существо, с маленькой головкой и огромным, как у откормленной индюшки, телом. Птичка, со своей стороны, меня тоже сразу невзлюбила. Она кружила вокруг моей головы, издавая резкие гнусавые вопли, и норовила тюкнуть в затылок тонким длинным клювом. Так продолжалось, пока я не отпугнул ее заклятием Огненной стрелы. Не попал, конечно, а если бы и попал, сомневаюсь, что сумел бы уничтожить – удивительно живучие твари здесь обитали. Но индюкообразная пташка, заклохтав, убралась восвояси. Со зверюшками дело обстояло еще хуже: совершенно невозможно было определить, какие из них опасны, а какие – нет. Крупный клыкастый зверь, пересекший тропу, от которого мы все поспешно отпрянули, подчеркивая, что не имеем недобрых намерений, вдруг принялся меланхолично поедать траву. А маленькое, похожее на мышку существо, только цыплячье—желтенькой расцветочки, вдруг плюнуло на ногу Ому чем—то таким едким, что в сапоге едва не образовалась дыра. Но повторяю, звери и птицы хотя бы скрывались. А вот насекомые... Перламутровые бабочки – это еще ничего, хотя я бы и к ним не прикоснулся. А вот пауки величиной с комнатную собачку, то и дело спускающиеся с деревьев на паутине, больше напоминающей толстую бечеву, заставляли понервничать. Еще очень раздражали жирные мухи, о которых Зарайя сказал, что они напоминают тех самых, что откладывают личинки в глаз человеку. Так что их приходилось тщательнейшим образом отгонять.

Джунгли были полны явных и скрытых опасностей, поэтому надо ли упоминать, что все мы были экипированы соответствующим образом: кольчуги не снимались с момента прибытия в Санму. Разумеется, Лютый как всегда являлся исключением. Он щеголял в одной рубашке и без шлема. Несколько часов мы двигались без особых приключений, и я уже начал присматривать место для привала, когда Ом вдруг насторожился и сделал отряду знак остановиться. Я огляделся, но ничего странного не заметил. На всякий случай накинул на отряд Воздушный щит. И как оказалось, вовремя. Что—то тяжелое, просвистев в воздухе, ударилось о невидимую преграду прямо возле лица Зарайи, и упало в траву. Лютый тут же выстрелил куда—то в сторону деревьев, раздавшийся крик оповестил, что болт достиг цели.

– Дикари! – воскликнул Дрианн, указывая на смуглых людей, заступивших нам дорогу.

Они взялись ниоткуда, словно только что сами собой возникли во чреве джунглей и, отделившись от деревьев, встали на нашем пути, держась на расстоянии около десятка локтей. Только вот на дикарей они похожи не были. Не знаю почему, но я подумал, что эти люди... не совсем люди. Их было много, они окружали нас со всех сторон. Высокие, широкоплечие, они были вооружены луками, копьями и небольшими трубочками, похожими на свирели. Красивые лица спокойны и невозмутимы, и эта невозмутимость была страшнее любой ярости и ненависти. Один из мужчин поднес ко рту трубку и резко дунул в нее. Я вспомнил рассказ Зарайи: выходило, таким оружием пользовались не только туземцы колоний. Сайм тихо вскрикнул и осел на землю, Дрианн бросился к нему:

– Как это? – спросил он, поднимая на меня округлившиеся от страха и изумления глаза. – Щит ведь...

Он выдернул из шеи Сайма крохотный дротик и показал его мне. Похоже, моя магия не была преградой для этого вида оружия, хотя и останавливала летящие в нас копья, камни и стрелы. Я напитал щит темной силой и один за другим швырнул в нападающих несколько мощных огненных шаров. Как и в случае с кошкой, они лишь отшвырнули людей, оставив на коже небольшие следы ожогов. И все... Зато в нас полетели дротики, от которых пришлось заслоняться обычными нашими щитами. Флиннел, выругавшись, упал на одно колено: дротик попал ему в ногу. Ребята отстреливались из арбалетов, и эта оборона была самой действенной. Еще несколько врагов упали, сраженные болтами.

– Что с ним? – отчаянно выкрикнул Дрианн, пытаясь поднять внезапно обессилевшего Сайма.

Я ожидал, что капрал умрет от яда, которым скорее всего были пропитаны дротики, но тот лишь неподвижно замер с открытыми глазами. Его лицо странно перекосилось, дыхание со свистом вырывалось из груди, а руки повисли беспомощными плетями. То же самое происходило с Флиннелом.

– Действуй! – крикнул я Дрианну.

Парням он все равно помочь ничем не мог, следовало позаботиться о тех, кого еще не достали дротики. Маг выпрямился и, встав со мной спина к спине, принялся поливать дикарей боевыми заклятиями. Впрочем, особого успеха это не принесло, наша волшба действовала на них так, словно сам воздух джунглей высасывал из нее три четверти силы. Ребята кое-как уворачивались от дротиков, но долго так продолжаться не могло. Я лихорадочно перебирал в уме все возможные варианты защиты и нападения: получалось, противопоставить нападающим мне нечего. Или... Я так и не успел узнать у Артфаала схему плетения комбинированных заклятий. Но оба раза, когда мне удавалось соединять два источника, я был в бешенстве. Достичь такого состояния не составляло труда, стоило лишь взглянуть на парализованные тела Сайма и Флиннела. Для начала я опустил на отряд Большой Темный зонт. Даже он не мог полностью остановить полет дротиков. Но при прохождении через поверхность защиты они хотя бы замедлялись, давая нам возможность отскочить. Мрак был со мной, он проник в мое сознание, впитывая злость и ненависть, утяжеляясь от них, разливая по всему телу могучую силу, от которой бешенство только возрастало. Руки начали сплетать в воздухе сложный рисунок. Я забыл обо всем, не помнил, кто я, лишь вплетал и вплетал в контур таинственного заклятия все новые нити. Огонь! Стихия откликнулась и послушно легла на готовую фигуру. Неведомо откуда пришедшие слова готовы были сорваться с губ, когда я ощутил, что Дрианн усиливает формулу своей энергией. В какой-то момент наши сознания соприкоснулись, и я ощутил мертвенный холод, исходящий от сущности мага и ледяной струйкой сочащийся в заклятие. Я мимоходом удивился такому проявлению, но размышлять об этом было некогда. Заорав: – Ложись! – я снял Темный зонт и, произнеся сложную фразу на языке мрака, отпустил заклятие.

Мы с Дрианном тоже рухнули на траву, прикрывая головы руками. И вовремя. Волшба, оторвавшись от моих пальцев, образовала черный, бешено вращающийся диск холодного пламени, который молниеносно разрастался в воздухе на высоте человеческого роста.

– Что это? – прокричал я, обращаясь к Дрианну.

– Не знаю, – ответил тот.

Вокруг раздавались полные боли и ужаса крики: чары достали наших врагов. Немного приподняв голову, я сотворил Черный кокон, накрыв им ребят, в надежде, что эта защита спасет нас от бушующего над головами холодного черного кошмара. Не знаю, сколько времени продолжалось это буйство магии, но наступил момент, когда пламя рассеялось, оставив после себя около двух десятков обгоревших тел. Остальные нападавшие куда-то исчезли. Я поднялся на ноги и потряс все еще вжимавшегося в землю Дрианна.

– Вот это вы колданули! – как в былые времена восхитился Добб. – Того, этого, всех пожгли, к демонской матери!

Капрал подошел к трупам, осмотрел их:

– Странно, тут такое творилось, я думал, от них только пепел останется!

Я собрался было тоже подойти к месту побоища, но меня остановил крик Дрианна:

– Давин! Рик, помогите!

Подбежав к капралу, которого маг держал за плечи, я тут же понял, что в помощи он уже не нуждается. Из его груди торчало древко короткого копья. Видимо, в тот момент, когда я снял щит, кто-то из дикарей успел метнуть его в Давина. И пробил прочную кольчугу.

Глаза Дрианна заблестели. Он тихо отошел от мертвого воина, склонился над Саймом и кончиками пальцев дотронулся до его шеи. Немного послушал, потом воскликнул:

– Он еще жив!

Я подошел к Сайму: действительно, тот дышал, хотя и с трудом, но не мог пошевелиться. Лишь глаза, полные муки и боли, продолжали жить на его обездвиженном лице. Флиннел находился в похожем состоянии, но мог говорить. Яд, попав в ногу, еще не успел распространиться по всему телу.

– Больно... – заплетающимся языком выговорил он. – И тело не слушается...

Дрианн принялся рыться в своем мешке, одну за другой вытаскивая из него склянки с лечебными зельями, которые набрал у Марьяны.

– Вот! – воскликнул он, показывая мне маленький пузырек, наполненный синей жидкостью. – Магическое противоядие! Марьяна говорила, оно помогает от любой отравы!

Хотелось надеяться, конечно, но, похоже, и яды здесь были такие, каких в нашем мире не встречается. Парнишка принялся вливать противоядие в искривленный параличом рот Сайма. Ему взялся помогать мастер Триммлер.

– Погоди, погоди—ка, – рассудительно говорил гном. – Ты ему голову закинь вот так вот да капни. Зелье само залетит.

Кое—как оказав помощь Сайму, Дрианн перешел к Флиннелу. Здесь дело пошло легче: капрал сам сумел проглотить лекарство.

– И когда оно должно подействовать? – спросил я.

– Не знаю, теперь только ждать, – пожал плечами маг.

Лютый, до этого хладнокровно ходивший среди мертвецов и собиравший болты, произнес:

– Надо отсюда убираться как можно быстрее.

– Почему? – спросил Дрианн.

– Посчитайте, сколько здесь трупов.

– Десятка два...

– А сколько было дикарей? Десятков пять, не меньше. Так куда делись остальные?

Выходило, что убийственные по силе чары подействовали только на тех, кто был ближе. Остальные либо успели убежать, либо каким—то образом сумели защититься.

– Мы должны похоронить Давина, – тихо сказал Дрианн.

– Только быстрее, – бросил Ом, настороженно оглядываясь.

Капралы набрали каких—то веток и уложили на них тело Давина. Мы с магом встали плечом к плечу, направив на кострище совместное огненное заклятие. И я снова ощутил какой—то холод, прикасающийся к моему сознанию. Несмотря на горестный момент и мою искреннюю скорбь по павшему товарищу, во мне проснулось любопытство. Я решил внимательнее исследовать сущность Дрианна, благо, во время совместного плетения сознание того, кто вторым присоединился к готовящемуся заклятию, становится читаемым. Но меня ждало странное открытие: мальчишка был закрыт, полностью. От его разума веяло все тем же мертвым холодом и больше ничем. Я не сумел ощутить ни одного его чувства. Возможно, Дрианн специ-

ально защитил свою сущность от исследования? Но зачем? И кто его этому научил? Когда тело Давина превратилось в пепел, я опустил руки и посмотрел на мага. Тот вел себя как обычно, только лицо стало заметно бледнее, да глаза словно выцвели. Но это же естественно, уговаривал я себя. Как он, интересно, должен выглядеть после всех событий сегодняшнего дня? Так и не придумав, чем можно объяснить произошедшее, я решил вечером на привале исследовать ауру Дрианна. А еще можно будет проконсультироваться с Артфаалом...

– Уходим, – нетерпеливо бросил Лютый.

– Чего ты боишься? – спросил Йок.

Ом криво ухмыльнулся:

– Не боюсь. Опасаюсь. Если большая часть дикарей ушла, то они вполне могут вернуться с подкреплением. А учитывая ограниченные возможности наших магов...

Мы с Дрианном не возражали. Действительно, получалось, что наши с ним заклятия действуют весьма посредственно.

– По тропе больше не идем, – распорядился Лютый, углубляясь в заросли.

Все молча двинулись за ним. Шли очень медленно, дело осложнялось тем, что нам пришлось тащить Сайма и Флиннела на плащах. Каждого из раненых несли двое, оставшиеся двое держали наготове арбалеты. Ом мечом прорубал нам дорогу, подолгу разглядывая землю и траву под ногами, прежде чем сделать шаг.

– Да чего ты там возишься? – поддел его мастер Триммлер. – Если боишься, давай я вперед пойду.

Лютый в ответ лишь пожал плечами и продолжал чутко исследовать прокладываемый путь. Он даже вырубил себе нечто вроде посоха и ворошил им высокую траву и попадающиеся кусты. Именно это и спасло нас от верной гибели. В очередной раз воткнув палку в безобидные на вид заросли, Ом вдруг резко отпрянул назад, крикнув нам:

– Стоять!

Из кустов поднялось что-то коричневое, огромное, напоминающее мешок. Мы попятились, не сводя глаз с непонятного предмета или, возможно, существа. Вскоре стало ясно, что эта штука – часть растения, разбуженная тычком посоха. Бутон, если можно так выразиться. Он медленно раскрылся, и в воздухе разлился чарующий аромат. Мне подумалось, что за обладание такими духами любая придворная дама отдала бы огромные деньги. Запах чудовищного цветка завораживал, притягивал к себе, хотелось остаться здесь навечно, вдыхая его снова и снова. Сзади меня сильно толкнули, я обернулся и увидел Йока, который рвался вперед. Его с трудом удерживал мастер Триммлер, приговаривавший:

– Стой, стой же, дурачина! Нельзя туда!

– Пусти меня! – рычал капрал Мелли, выворачиваясь из крепких гномьих объятий.

Дрианн тоже заволновался и принялся пробираться к цветку. Я хлопнул его по плечу, потом схватил за локоть, не подпуская к растению, которое начало медленно, гипнотизирующе раскачиваться на стебле, как голова змеи, завораживающей свою жертву. Сам я тоже ощущал морок, похоже, никто из воинов, кроме мастера Триммлера и Лютого, не остался равнодушен к аромату. Даже раненые, брошенные товарищами на траву, застонали и попытались подползти поближе. Мы втроем еле удерживали капралов и мага, желающих припасть к источнику аромата, причем я и сам чувствовал, как моя выдержка иссякает, превращаясь в жгучее желание подобраться поближе к цветку. Вдруг перед растением выскочило какое-то животное, по виду напоминавшее волка. Крупный черный зверь, не обращая на нас никакого внимания, устремился к раскачивающемуся бутону, из которого навстречу ему выскочило толстое зеленое щупальце и, обвившись вокруг мускулистого тела, потянуло животное к себе. Притянув блаженно поскуливающего волка в середину, цветок сомкнул края, снова превратившись в подобие мешка. Аромат исчез, зато из бутона донеслись душераздирающие вопли. А мне вспомнился давным-давно виденный рисунок на перилах императорского дворца. Там было

изображено нечто подобное, только цветок, выполненный резчиком, был еще вооружен острыми зубами. Я содрогнулся.

– Того, этого, – потрясенно выговорил пришедший в себя Добб, – где зверь—то?

Мешок опустело обвис, издав звук, напоминающий сытую отрыжку. Вслед за этим на траву упали обглоданные кости и клоки черной шерсти.

– Пошли! – сказал Лютый, торопливо обходя кусты опасного растения.

– И чего вас туда потянуло? – возмущался по дороге мастер Триммлер. – Воняло же невыносимо!

– Нет, я ощущал великолепный аромат! – заспорил Дрианн.

– Тухлой рыбой пахло, – поддержал гнома Лютый.

Я обернулся к растению, которое осталось в десятке шагов позади, и на миг вышел в астрал, чтобы увидеть ауру цветка. Ничего нового, такое же яркое сияние, как и над самим Зеленым сердцем. Я перевел взгляд на другие кусты, потом на ближайшее дерево, взглянул вверх, потом под ноги. Абсолютно все было окутано той же сверкающей белой дымкой. Здесь не было частей, отдельных растений и, подозреваю, животных. Джунгли были единым магическим организмом, и этот организм протестовал против чужеродного вторжения. Словно доказывая эту мою мысль, Лютый опять крикнул:

– Назад! – и тут же вознесся куда—то ввысь, повиснув в воздухе вниз головой.

Я ошарашенно вгляделся, пытаясь понять, что же держит его за ногу, заставляя болтаться в паре локтей над землей. Ожидал увидеть веревку, лиану или еще что—то подобное. Но ничего такого не было, казалось, Ома схватил какой—то невидимка и, взлетев, раскачивает его беспомощное тело. Призвав на помощь мрак, я увидел, как вокруг ног Лютого мерцают какие—то странные нити, похожие на обрывки заклатья. И еще его тело облепили то ли блестящие мошки, то ли просто точки света, неразличимые для обычного человеческого зрения.

– Поторопись, лейтенант, – морщась, сказал Ом. – Жрет меня кто—то...

На коже его выступили красные точки, стремительно соединяющиеся в кровавые полосы. Я быстро сотворил Огненную стрелу и метнул ее чуть выше ступней Лютого, надеясь обрезать неведомые нити. Безуспешно. Большой ком пламени тоже не помог. Лицо Ома превращалось в кровавую маску, словно невидимые существа откусывали от него мельчайшие кусочки. Я отчаянно метал в нити заклятие за заклятием, но они были бессильны перед удерживающей Лютого волшебной силой. Как уничтожить эти неведомые существа, не задев при этом его самого, я придумать не мог.

– Дай—ка попробую, – пробормотал сзади Дрианн.

Он встал рядом со мной, встряхнул руками и вдруг с каким—то тоскливым выкриком словно бы отправил что—то в сторону Ома. Удивительно, но при этом он не делал никаких плетений.

– Спасибо, так легче, – резюмировал Лютый, все еще продолжая парить в воздухе. – Теперь хоть не кусает никто.

Измененное зрение услужливо показало, что мерцающие мошки исчезли. Взгляд случайно упал вниз, и я увидел на траве жалкую кучку угасающих магических точек. Выяснить, как Дрианн их уничтожил, было некогда. Следовало вытаскивать Ома из ловушки. Я погрузился в астрал и подлетел к нитям, выглядевшим теперь так, будто они были выдернуты из ауры Зеленого сердца. Наверное, так оно и было. Я осторожно прикоснулся к ним и попытался разорвать стягивающие Лютого путы. Поначалу мне это не удавалось, но потом, вложив всю доступную мне энергию, я сумел добиться того, чтобы нити расплзлись. Ом тяжело рухнул вниз, а я поспешил вернуться в свое тело.

– Как вы? – Дрианн принялся осматривать капрала.

– Да ничего, – пробормотал тот, – только такое чувство, словно на меня стая слепней налетела.

Маг обрабатывал лицо, шею и руки Лютого, которые пострадали больше всего. А я подводил неутешительные итоги: освобождение Ома стоило мне большей части магических сил, да и физические изрядно пострадали. Я чувствовал себя беспомощным и слабым. Итак, из девяти оставшихся в живых двое парализованы, один помят кошкой, один покусан неизвестными тварями, и еще неясно, как это отразится на его состоянии, и один – я – полностью опустошен. Остаются четверо. Замечательно...

– А не остановиться ли нам на привал, лейтенант? – спросил мастер Триммлер, видимо, тоже оценив обстановку.

– Только место надо выбрать правильное, – довольно бодро проговорил Ом.

Вырвавшись из заботливых рук Дрианна, он осторожно прошелся вокруг того места, где таилась ловушка. Заглянул в одни кусты, в другие, потом скрылся за деревьями.

– Сюда, здесь вроде безопасно... пока, – донесся до нас его голос.

За деревьями обнаружилась крошечная полянка, на которой как раз хватило места для нашего отряда. Мы опустили Сайма и Флиннела на траву, и Дрианн принялся их осматривать.

– Кажется, постепенно возвращается подвижность, – радостно сообщил он, демонстрируя нам огромную длань Флиннела, на которой едва шевелились два пальца, словно тщившиеся сложиться в общеизвестный жест. Сам капрал страдальчески покосился на мага и косноязычно пробормотал:

– Да отстань... уже... дай поспать...

Сайм все еще не двигался и не говорил, но лицо его не было так уродливо искривлено, да и дыхание стало более ровным.

– Может, за ночь оклемаются, – с надеждой сказал мастер Триммлер, заступая в караул.

Вместе с гномом оставались дежурить Йок и Дрианн. Мы с Лютым тоже порывались принять участие, но Зарайя рассудительно сказал:

– Ложитесь, ребята, отдохните. Ночь – она длинная, накараулитесь еще.

Послушавшись ветерана, мы завернулись в плащи и улеглись под пушистым кустиком. В полусне я ощутил, как ко мне протискивается пушистое тельце Артфаала. У меня было много вопросов к демону, но я отложил их до наступления моего дежурства.

* * *

Его высокопреосвященство Падерик Третий, Верховный жрец Луга всеблагого, обвел взглядом пеструю компанию, собравшуюся в его роскошных покоях. Люди сидели перед возвышением, на котором, на манер императорского трона, стояло кресло Падерика. Великий отец излишней скромностью не страдал, полагая своей прямой обязанностью заботу о собственном престиже. Считал, что это укрепляет в людях уважение к Лугу, которому он служил. Его высокопреосвященство тяжело поворочался в кресле, поудобнее устраивая облаченное в эмиратскую парчу тучное тело. Потом покосился направо... налево... с двух сторон молоденькие жрицы Главного храма размеренно работали опахалами. «Иллана старовата уже, – мелькнула быстрая мысль, – восемнадцать минуло. Пора отсылать из опочивальни. Да и Янина в возраст входит. Завтра поменяю обеих». Падерик предпочитал молодое тело. Можно сказать, детское. Но каждый раз заказывать юных блудниц было чревато грязными безбожными слухами. Поэтому его высокопреосвященство и приближал к себе послушниц храма. Потом за особые заслуги в опочивальне производил девочек в жрицы, а перестарков, вроде Илланы, со временем направлял в многочисленные отдаленные храмы Луга. Позабыв о гостях, Падерик Третий погрузился в воспоминания о тринадцатилетней послушнице, которую на днях привела в Главный храм ее мать. Прелестная девочка: хрупкая, как эльфийка, еще не налившаяся женской спелостью... Поймав непонимающий взгляд одного из посетителей, Верховный жрец с сожалением расстался с мечтами и вернулся к реальности.

– Я собрал вас, дети мои, дабы поговорить о тех безбожных делах, что творятся под благословенным небом Галатона, – елейным голосом произнес он. – Народ империи забывает о богах и уже не испытывает должного священного трепета перед их всемогуществом. Храмы наши пустеют, и иссякает поток подношений. Люди перестали бояться гнева богов и живут во грехе, не каются в нем. Да и милость божья им уже не нужна. Зачем, когда есть магия? – слово «магия» Падерик произнес с отвращением, будто вынужденно осквернил уста непристойным ругательством. – К чему просить богов о чуде и приносить им жертвы, к чему оставлять свои денежки в храме, когда можно обратиться к чародею? Он возьмет дешевле, к тому же гарантирует результат. И я спрашиваю вас, дети мои, доколе? Доколе мы будем терпеть греховную волшбу? Призываю вас восстать против магов и обратиться к его императорскому величеству с прошением о запрете на колдовство!

Его высокопреосвященство замолк и, отдуваясь, посмотрел на слушателей, ожидая их реакции. Говорить красиво, долго и убедительно Верховный жрец умел и любил. Этот талант и позволил ему достичь высшей ступеньки в карьере. Но собравшихся здесь пронять пылкой речью было не так—то просто. Все они были искушены в закулисных интригах и подковерной борьбе. Все прекрасно понимали, куда клонит их предводитель. Одиннадцать пар глаз преданно уставились на Падерика, но ни в одном почтительном взоре не читалось истинного единомыслия.

– Что до моих девочек, – заговорила наконец статная черноволосая женщина лет пятидесяти, несмотря на возраст, все еще замечательно красивая, – каждая из них еженедельно посещает храм. И десятину они платят честно.

Старая греховодница! Верховный жрец едва не заскрежетал зубами в бессильной ярости. Мать Лаурита, Старшая жрица храма Неи златокудрой, всегда отличалась несговорчивостью. А что самое неприятное, являлась серьезным авторитетом для остальных жрецов. И ее теперешняя реплика задавала тон всей беседе.

– Что же касается магии, – продолжила Лаурита, – как вы себе представляете работу блудниц без амулетов, предохраняющих от заразы?

– И без бабок—ведуний, вытравливающих плод?! – угрожающе уточнил Падерик, уставившись в глаза жрицы.

– И без них тоже, – черноволосая спокойно выдержала ненавидящий взгляд и даже позволила себе холодно улыбнуться.

Ссориться с Лауритой было не с руки. Именно под ее покровительством Падерику поставляли невинных девочек, еще не вступивших на скользкую дорожку порока. Жрица Неи слишком много знала, причем обо всех, поэтому вела себя как хозяйка положения.

– Ну, ремесленникам без магии тоже никуда, – вмешался добродушный отец Дарсан, Старший жрец храма Дадды—труженика. – К примеру, оружейники магической закалкой пользуются, ткачи опять же в лучшие материи заговоренные нити вплетают. А сапожникам как без волшебства? Обувь для знати только с наговором шьется, чтоб, значит, ноги не терла и не промокала. Нет, моим ребятам без чар никак.

Падерик вопросительно посмотрел на отца Вельмарина.

– Нет—нет! – воскликнул тот. – Ни один моряк без берегов сушу не покинет! В Портовом квартале начнется бунт, вздумай я запретить чародейство! Да и на моряков жаловаться грех: перед выходом в рейс они все приносят Маннаину весьма щедрые дары!

– Боевая магия – основа военного дела, – решительно заявила Варелия, Старшая жрица кровавой Морриган.

– И всадникам чародеи потребны всегда, – поддержала ее мать Танефа, – умиряющая сбруя, зачарованные подковы, целители, наконец! Без этого никуда, храни нас, Эгония—покровительница!

– То же касается скотоводов и земледельцев, – тихо произнесла мать Перетей из храма Брижитты. – От магов зависит урожай и здоровье скота. Отказавшись от волшебства, мы рискуем обречь Галатон на голод...

– И довольно странно, что Верховный жрец Луга всеблагого – покровителя магов и магии – ратует за ее запрет, – высказалась мать Лаурита. – Разве они недостаточно жертвуют вашему приходу, Великий отец?

– Луг был объявлен покровителем чародеев всего лишь пятьсот лет назад! – не выдержав, рявкнул Падерик. – До этого же Луг наш великий являлся покровителем праведников и власть имущих!

– Всегда находила это сочетание забавным, – непринужденно заметила жрица Неи. – Как можно одновременно быть праведником и иметь власть?

– Очень просто! – взъярился его высокопреосвященство.

– В самом деле, ведь вы доказываете это своим примером, Великий отец, – сладко улыбаясь, заявила Лаурита.

Падерик пребывал в тихой ярости, направляя все силы на то, чтобы не выдать своего бешенства. Что позволяет себе эта заступница грязных шлюх? И почему всем остальным так уж необходима магия? Ведь жили же как–то без нее раньше, и ничего! Но жрецы Тарантуса, Стратаны, Пирия, Ат–таны и Нуадия тоже высказались в защиту волшебства. Верховный жрец сделал несколько глубоких вдохов, через роскошное парчовое одеяние уцепился за ляжку, дабы не дать волю гневу, и произнес:

– Хорошо, дети мои. Я понял вас. Вашим прихожанам нужна магия. Но надеюсь, речь идет лишь о светлой ее стороне? Ведь темная волшба незаконна.

Жрецы переглянулись. Конечно, их прихожане пользовались магией мрака. Да и как без нее? Слишком многие виды волшебства объявлены в государстве вне закона. С другой стороны, признать это в присутствии Верховного жреца Луга, поборника праведной жизни, означало навлечь его гнев на свои приходы. Поэтому все одиннадцать священнослужителей неохотно, но утвердительно кивнули.

– Я знал, что могу быть уверенным в вашем благочестии, – пафосно заявил Падерик. – Предлагаю вам поставить свои подписи на прошении к императору.

Верховный жрец махнул рукой Иллане, и та, подойдя к столу, выдернула из кипы свитков одно из заранее приготовленных писем. Затем принялась обходить жрецов, подавая им бумагу и перо с чернильницей – здесь, в храме Луга всеблагого, магические самопишущие стилосы не признавались. Подписывая прошение, каждый понимал: Верховный жрец заботится вовсе не о соблюдении законности. И совсем не любовь к богам двигала этим одышливым толстяком. Власть – вот единственное, что нужно Верховному жрецу. Его беспокоит лишь ослабление влияния религии в государстве.

– Не стану вас задерживать, – важно провозгласил Падерик, когда бумага была подписана. – Возвращайтесь в свои храмы, прихожане ждут вас.

Глазки его хищно блеснули. Он добился нужного результата. Оставалось лишь договориться с императором и Советом магов. Они не посмеют возражать, ведь священнослужитель будет ратовать за законность. Ну, а там – все зависит от точки зрения... Слишком зыбка грань между дозволенным и недозволенным. Смотря кто будет ее очерчивать. Самое главное – получить право самому принимать решения.

Жрецы, поклонившись, потянулись к выходу. Падерик проводил их презрительным взглядом. Трусые и слабаки! Такие же жалкие, как и боги, которым они служат! Пора скинуть всю эту дохлятину туда, где ей самое место – в выгребную яму! Единобожие – вот что нужно стране! И он, Великий отец Падерик Третий, добьется его возрождения.

Между тем, пройдя через анфиладу богато изукрашенных комнат и оказавшись в мощном разноцветными плитами дворе, отец Вельмарин тихо обратился к матери Лаурите:

– Что ты думаешь об этом?

– Да что тут думать, – вздохнула жрица. – Пока под темных копает, потом и за нас примется.

– Полагаешь, император даст добро?

– Даст, на уничтожение темных во всяком случае. И Совет против не будет.

– Неужто нас ждет возрождение храмовой стражи? – ужаснулся Вельмарин, сотворив перед собой жест, призывающий защиту Маннаина.

Лаурита медленно проговорила:

– И хотела бы я тебя утешить, да нечем. Тяжелые времена наступают, ты сам это понимаешь. Грядут войны, голод, несчастья. В такие годы народ принимается истреблять инакомыслящих, обвиняя их во всех бедах. И я не хочу, чтобы этими гонимыми стали мы. Именно потому и подписала прошение.

– Но как можно! – возмутился отец Дарсан. – Мы – жрецы богов, почитаемых в народе!

– Вспомните историю, друг мой, – кротко возразила Лаурита, – такое уже было однажды, не правда ли?

– Единобожие?! Падерик не посмеет!

– Ну, почему же? Настал удобный момент, а Великий отец спит и видит себя единственным властителем народных умов.

– Но наши прихожане никогда не позволят...

– Наши прихожане, – перебила его Лаурита, – пойдут за тем, кто сумеет их убедить в своей правоте. А его высокопреосвященство – отличный оратор. К тому же вхож к Ридригу и главе Совета.

– Что же нам делать?

– Пока подождем. Но только пока, – нехорошо усмехнулась жрица. – Думаю, в случае чего у нас найдется, что противопоставить Великому отцу.

– Война жрецов? – деловито спросила мать Варелия.

– Почему бы и нет? – безмятежно улыбнулась Лаурита. – Если Падерик хочет повторения давней истории, доставим ему такое удовольствие. Но пока сидим тихо. Охота за темными нас не касается...

Его высокопреосвященство в бешенстве мерил шагами свой кабинет. Вот, значит, как! Мало того, что они не поддержали его в стремлении избавиться от всех ненавистных магов, а лишь кинули, как жалкому псу, свое полусогласие на преследование темных. Мало того, что шлюха разговаривала с ним, как с ровней. Так жрецы за его спиной еще и замышляют заговор! Разумеется, Падерик Третий всячески провозглашал и декларировал свободу своего дома и Главного храма от магических штучек. Но каждый уголок этих зданий был просто напичкан подслушивающими артефактами. Знал об этом очень ограниченный круг людей: сам Великий отец, парочка приближенных жриц да еще темный маг, который эти артефакты и устанавливал. Но конечно, осторожные жрецы никогда не позволили бы себе вести такую беседу в зданиях. А вот о том, что артефакты заложены и под плиты двора, они и помыслить не могли. Такое обустройство обошлось храму дорого, очень дорого. Но... Его высокопреосвященство любил быть в курсе всего происходящего в его владениях. А теперь магические устройства сослужили ему неплохую службу.

– Что ж, они свое получают... – прошипел Падерик и, взяв со стола крохотный серебряный колокольчик, яростно его встряхнул.

– Подготовьте карету, – бросил он молодому жрецу, явившемуся на звон. – Я еду в императорский дворец.

Аудиенция у Ридрига Второго должна была состояться через час. От Главного храма до императорского дворца было не более пяти минут ходьбы. Но Верховный жрец собирался приехать загодя и смиренно ожидать в малой приемной, дабы выразить таким образом свои вер-

ноподданнические чувства. Он позвал Иллану, чтобы та помогла облачиться в самое роскошное одеяние, которое Падерик берегал для таких вот особых случаев. Но, полюбовавшись на себя в зеркало, Великий отец вдруг приказал девушке:

– Достань там, в гардеробной, старую черную рясу.

Жрица взглянула удивленно, но перечить не посмела и в гряде пестрых нарядов откопала чуть ли не нищенское рубище – темное, потертое, из грубой ткани, с капюшоном, закрывающим лицо. Эту длинную рубаху Падерик надевал лишь в День покаяния, для ритуала признания грехов, который проводился раз в год, в праздник рождения Луга милосердного. В этот день все верующие публично каялись в неблагоприятных поступках и недобрых мыслях, посыпая головы пеплом. А некоторые, особо яростные поборники нравственности, даже хлестали себя плетью, таким образом испрашивая у бога прощения. Натянув рясу, Великий отец горестно вздохнул: теперь подобное тряпье станет его повседневной одеждой. Ибо воин благочестия не должен выглядеть как разряженный придворный щеголь. Придав своему лицу скорбно—просветленное выражение, Падерик немного потренировался перед зеркалом, дабы не растерять фанатичного сияния глаз. Оставшись доволен, захватил свиток с прощением и двинулся к выходу.

В карете Великий отец еще раз просмотрел бумагу: изложено высоким стилем, под путаницей витиеватых слов и изящных формулировок как—то терялся смысл просьбы. Все как нужно...

– Надеюсь, его величество благосклонно отнесется к покорнейшей мольбе его верного слуги, – ядовито пробормотал он. – Лишь бы Вериллий не помешал...

В малой приемной Падерик уселся в углу и, смиренно опустив глаза, перебирал в мыслях слова, которые собирался сказать императору. Долго ждать не пришлось: точно в назначенный час в дверях появился церемониймейстер и проводил Верховного жреца в кабинет Ридрига Второго. Император полностью оправдывал поговорку: «если монарх точен – он вежлив». Его величество сидел за длинным столом черного дерева и вертел в пальцах какую—то безделушку из пушистого меха – то ли талисман, то ли просто забавный сувенир. Он рассеянно взглянул на жреца и поощрительно кивнул, приглашая изложить причину визита. К бесконечной досаде Падерика, за креслом императора обнаружился Вериллий Фламиер собственной персоной. Маг устремил на Великого отца приветливый и доброжелательный взор, губы изогнулись в радушной улыбке. Жрец передернулся, воистину говорят: «Мягко стелет – да убьет в постели». Это именно о главе Совета. Падерик произнес заранее подготовленную прочувствованную речь, завершив ее словами:

– Так прикройте же народ своей монаршей дланью, ваше императорское величество! И позвольте жрецам вступить на путь сражения с грехом и покарать адептов темной волшбы!

Вериллий слегка поморщился: по его мнению, Великий отец отчаянно пережимал с патетикой. Но Ридриг, казалось, не обратил на пламенный призыв жреца ни малейшего внимания. Он продолжал поглаживать пушистую игрушку, по всей видимости, мыслями витая далеко от кабинета. Падерик немного постоял в растерянности, затем, согнувшись в почтительном поклоне, поднес к столу императора свиток с прощением. Монарх даже не заглянул в бумагу. Заболел? Обуреваем более важными заботами? Его высокопреосвященство никогда не видел Ридрига Второго таким странным. Более того, император всегда был набожен и проявлял рвение в молитвах. А сейчас... Великий отец не знал, что и думать. Молчание затягивалось, и жрец уже начал прикидывать, как лучше откланяться, когда монарх, будто очнувшись, обратился к Вериллию:

– А вы что скажете, друг мой?

Верховный маг снова поморщился: объявление войны темным магам означало, что имперские псы и большинство чиновников лишатся хорошей кормушки. Ни для кого не было секретом, что в Галатоне давно уже не заботились об отлове адептов мрака. Вернее, не так: их

отлавливали, а потом выпускали за хорошую взятку. И освобожденные «по причине недостаточно веских доказательств» продолжали свою незаконную деятельность. С другой стороны, признаться в этом перед императором – значило расписаться в собственной нечестности. И потом... Вериллий задумался. Использование темного источника несло в себе опасность: незарегистрированные волшебники, не имеющие лицензии, получали в руки мощное оружие. И кто знает: против кого они могли его обернуть? Глава Совета неустанно заботился о том, чтобы каждое новое поколение имперских магов было чуть слабее предыдущего. Ведь слабыми легче управлять. Ему не нужны были сильные соперники, с которыми пришлось бы делиться властью. Конечно, в Совете имелось несколько очень могущественных чародеев, но все они находились под контролем Вериллия. Да в университете преподавали многомудрые ученые, но те были безобидны: кроме своей науки ничего вокруг не замечали. А вот те, кто становился на путь мрака... Да, решил Верховный маг, почему бы и не истребить часть темных, к тому же еще и чужими руками? Надо будет только переговорить с толстяком наедине и намекнуть, кому жрец обязан выполнением своей просьбы. Еще раз прикинув наскоро все варианты, Вериллий пришел к выводу, что таким образом убьет, как говорится, сразу нескольких гоблинов. Жрец будет доволен, почувствует себя обязанным Совету. Сам Верховный маг докажет свою лояльность лугианскому учению и заодно уничтожит тех, кто в будущем может представлять опасность для его власти. Имперские псы и чиновники... а что, собственно, они? Не восстанут, побоятся за тепленькие местечки, к тому же кто мешает им и дальше брать взятки? Разумеется, не привлекая ненужного внимания. А ведь еще под этим соусом можно избавляться от неугодных людей. И самое главное – грядут тяжелые времена. Нет никаких сомнений: империю ждут войны, бунты, голод. Народу нужно представить виновных. Неважно кого, лишь бы это не была правящая верхушка. Адепты мрака вполне годились на такую роль.

– Ваше величество, – вкрадчиво произнес Вериллий, – его высокопреосвященство прав: необходимо решительно вытравить темную заразу с благословенной земли Галатона.

На губах императора то и дело появлялась блаженная улыбка. Похоже, он только и ждал конца аудиенции.

– В самом деле? – переспросил он. – Что ж, подготовьте указ. А теперь, господа, я устал.

Оба Верховных, пятясь, вышли из кабинета. В приемной, не имея больше причин сдерживаться, они обменялись полными неприязни взглядами. Но дело прежде всего: следовало закрепить достигнутое соглашение. Уже понимая, кто теперь играет первую скрипку, Падерик сладко улыбнулся:

– Могу ли я узнать, когда будет готов указ?

«Мерзкий двуличный колдунишка», – мысленно добавил он.

– Завтра, ваше высокопреосвященство, – ележно ответил Вериллий.

«Жирная вонючая свинья», – подумал он при этом.

– Кому же вы полагаете поручить отслеживание и отлов темных? – «Знаю я тебя, небось устроишь пустую профанацию. Вы, чародеи, своих не выдаете».

– Несомненно следует создать Храмовую стражу. – «Стану я руки марать, да и псам не позволю».

От неожиданности Великий отец выпучил заплывшие жиром глазки. Глава Совета сейчас предлагал ему возродить самую страшную силу в истории Галатона. Жрец прищурился: не может быть, чтобы Вериллий добровольно согласился разделить власть. Где же кроется подвох?

– Разумеется, я буду негласно курировать их работу, – тут же добавил глава Совета. – И может статься, что сам иногда укажу на безбожников.

«Ах, вот оно что! Хочешь на чужом горбу въехать в Счастливые долины? Что ж, небольшая плата. А я подожду: сейчас темных магов уничтожу, потом, глядишь, и до тебя доберусь. А там и до Единобожия недалеко...»

– Вы согласны, Великий отец? – переспросил Вериллий. «Соглашайся, вонючий кусок жира. А когда выполнишь за меня грязную работу, я найду способ от тебя избавиться».

Приятно улыбаясь, два великих человека пожали друг другу руки.

* * *

– Вставай, лейтенант! Твое дежурство!

Нет, положительно, надо запретить мастеру Триммлеру меня будить! Невыспавшийся, злой человек плохо переносит извечную гномью жизнерадостность! Еще одна такая побудка – и заколдую его к демонам собачьим! Например, заикаться заставляю... или нет, вот, придумал: укорочу бороду! Одолеваемый такими кровожадными стремлениями, я встал, аккуратно переложив на свой плащ дрыхнувшего без задних лап Артфаала, а мастер Триммлер принялся расталкивать Лютого. Выполнив эту нелегкую миссию, ибо заспанный Ом не скрывал отращения к манере гнома трясти жертву со всей своей немалой силой, сын гор с чувством выполненного долга повалился на траву. И тут же захрапел.

– Ты как? – спросил я Лютого.

– Вполне нормально, – небрежно ответил тот.

Действительно, ранки на его лице уже начали заживать. Поразительная у него способность к восстановлению! И умение просыпаться просто волшебное. Буквально минуту назад Ом высказывал мастеру Триммлеру все, что думает о гномах, посреди ночи орущих в ухо, а теперь уже бодро обходил полянку и чутко прислушивался к темноте. Чтобы помочь ему, я изучил окрестности зрением мрака. Пока ничего подозрительного не ощутил. Конечно, магия мерцала повсюду, этот лес и сам был магией. Однако крупных всплесков я не улавливал, а поскольку не только мог чувствовать волшеббу, но и прекрасно видел в темноте, то был совершенно спокоен. Угроза отсутствовала. Тем не менее, Лютый не унимался, он делал по поляне круг за кругом, всматриваясь и вслушиваясь в теплую ночь.

Передав нам дежурство, Йок тоже с удовольствием улегся на плащ и мирно засопел. А вот Дрианн не торопился, дожидаясь пробуждения демона. Хотел взять пару уроков.

– Ложись, – сказал ему я. – Все равно тренировку здесь не проведешь, всех перебудим. А отдохнуть тебе надо.

Маг неохотно кивнул и прилег. Через минуту усталость взяла свое, и парень уснул. Это было мне на руку, потому что я хотел обсудить с Артфаалом состояние Дрианна. Неожиданно проявившиеся у него странные способности, закрытое сознание, бледность и прочие непонятные проявления меня порядком беспокоили. Я собрался было уже разбудить лорда Феррли, как он сам, неслышно ступая, подобрался ко мне и вознесся на плечо. Демон мне ничуть не мешал, я удивительным образом не ощущал его веса.

– Я могу контролировать состояние своего тела, – сказал он в ответ на выраженное мной недоумение. И тут же добавил: – Но только когда бодрствую. Итак, друг мой, о чем вы хотели поговорить?

– Дрианн... – начал было я.

– Меня тоже настораживает, – перебил Артфаал. – Я незаметно осмотрел его и остался в растерянности. Его магический ресурс возрос необычайно, но вот за счет чего – непонятно. Ощущается присутствие некоей могущественной силы неясного происхождения.

– И что вы об этом думаете?

– Единственное просящееся на ум предположение: это как—то связано с его победой над некрмантом. Возможно, убив колдуна, граф Летакс тем самым освободил его магическую силу, и та выбрала победителя своим новым хозяином. Согласно легендам, такое иногда случается. Вспомните хотя бы историю о Проклятом даре.

Проклятый дар... сказка, которую любят все дети Галатона, но после которой они не могут спать ночами. Если не ошибаюсь, речь там идет о юноше, которому кто—то, не помню уже — то ли фея, то ли боги, подарил великую силу. И предупредил при этом, что ее нужно тратить только на благо людей. Если же с помощью своего могущества парень примется вершить зло, дар будет проклят и останется в мире, сея лишь смерть и беды. Как это всегда бывает в сказках, в один не очень прекрасный момент герой забыл о предупреждении, а может, просто наплевал на него. И подрался из—за девушки со своим другом. Убил, конечно. А что вы думали? Силушка—то у него была невероятная. И вроде бы ничего не произошло, кроме того, что юноша странным образом сделался еще сильнее. Поразмыслив, он понял, что его дар поглотил душу убитого, сделав своего обладателя еще могущественней. И тут нашего парня понесло: в стремлении стать как можно сильнее, он начал убивать направо и налево. (Вот этого я не понимаю, он ведь и так чуть ли не монстром был, правда? Ну, да сказка — она и есть сказка). Так продолжалось до тех пор, пока он не женился. Девушка ему попалась ушлая, секрет его выведала. Однажды парень женушку свою чем—то обидел, а она в отместку ночью, пока он спал, перерезала ему глотку. Не знаю, то ли супругу он выбрал по себе, то ли она просто решила избавить мир от злодея. Только в момент убийства дар перешел к ней. Сказка эта очень длинная, и я толком ее не помню, а смысл в том, что каждый обладатель Проклятого дара умирал не своей смертью и передавал дар своему убийце. Так проклятие и ходит до сих пор по миру, принося своему обладателю нечеловеческую силу, но одновременно и навлекая на него страшную судьбу. Но не может же Артфаал всерьез верить в эти рассказы? Как оказалось, демон относится к легенде весьма внимательно.

— Любая сказка имеет под собой какую—то основу, — поучительно сказал он. — Как правило, это реальное происшествие из жизни, обросшее выдумками и догадками многих рассказчиков. Извольте видеть, на примере нашего дорогого графа Летакса мы убеждаемся в правдивости старой легенды.

— Но это же еще не точно, — жалобно спросил я. Мне совсем не хотелось, чтобы в сознании моего друга поселился кусок некроманта.

— Удостоверьтесь сами, — фыркнул демон.

— Да как мне это сделать? Он не читается.

— Это лишний раз подтверждает мою теорию. Маг, обладающий познаниями в тонкой магии, не может прочесть лишь тех, по отношению к кому дал обет, своих близких родственников, а также людей, обладающих некоторыми видами неизученных сил.

— Каких сил?

— Незизученных! — раздраженно хрюкнул лорд Феррли и предложил: — Хотя бы посмотрите его ауру.

Действительно, как это я сам не додумался? Я уселся рядом со спящим магом и погрузился в астрал. Вскоре уже осматривал свечение, окружающее мальчишку. Да, несомненно, его энергетическая сущность подверглась переменам: аура, раньше очень светлая, с серебристым отблеском, теперь была покрыта белесыми тусклыми пятнами, похожими на плесень. Точно такими же, какие прорастали на ауре зомби. Я вернулся в свое тело и уставился на лицо Дрианна, освещенное слабыми бликами от костра. То ли была виновата игра теней с красноватыми отсветами, то ли изменения зашли уже далеко, но я видел, что лицо мага стало другим. Сейчас в нем не было ничего от того восторженного наивного юнца, каким он поднялся на борт «Шай-ани». Передо мной был взрослый опытный мужчина, много страдавший, много увидевший и познавший. Щеки слегка впали, вокруг глаз обозначились морщинки и залегли серенькие тени, появились жесткие носогубные складки, подбородок стал тяжелее. Даже волосы, отросшие за время похода, уже не были такими солнечно—рыжими, они словно потускнели и потемнели. Я отвернулся, не желая больше видеть перемен на лице друга и уговаривая себя: «Это просто кажется из—за освещения, он ничуть не изменился. Или, может, устал, неважно себя чув-

ствует, похудел, наконец!» Но в глубине души я знал: с Дрианном что—то происходит, что—то непонятное, недоброе, заставляющее меня бояться за парня.

– Как это повлияет на него? – спросил я Артфаала.

– Не знаю, – приуныл тот. – Понятия не имею. Я вижу лишь то же, что и вы, барон. Сознание, а также возможности графа для меня почти закрыты. Крутится что—то... этакое. Но его поведение говорит само за себя: спасая полукровку, он сумел уничтожить невидимые магические сущности Зеленого сердца. Интуитивно, конечно, но швырнул в них такую волшбу, понимание которой мне вообще недоступно. У нее нет источников, вот в чем дело. Понимаете, она не берет магическую энергию извне.

– Но что мне делать?

– Ждать, – вздохнул демон. – Ждать и наблюдать, больше ничего не остается...

Тема Дрианна была исчерпана. Сколько бы догадок мы ни построили, сколько бы ни выдвинули гипотез – все они были бы лишь мыльными пузырями домыслов в стоячем воздухе зловещей тайны. Мысленно поклявшись себе не спускать с мага глаз, я окинул окрестности измененным взглядом, потом посмотрел на Лютого. Тот поощрительно кивнул мне, мол, не переживай, занимайся своими делами, подежурю за тебя. Я перешел к следующему волнующему меня вопросу:

– Расскажите мне о совмещении источников. Я хотел бы подробнее знать о комбинировании мрака со стихиями.

– Здесь, в сущности, ничего сложного, дорогой барон. Вы уже и сами умеете. Только не нужно в этот момент искусственно себя злить. Весь фокус заключается в способности сознания одновременно вмещать в себя темный и светлый источники. Впадая в бешенство, вы создаете искусственную преграду для Мрака, который начинает подпитываться энергией вашей злобы и не вступает в противоречие со светлой стихией. Она же, со своей стороны, за барьером вашей ненависти не чувствует темных сил. То есть, негативная энергия является отвлекающим моментом. Проще говоря, вы обманываете оба источника. Но это ложный путь. Стоит накалу вашей злобы лишь немного остыть – и эксперимент закончится ничем. В лучшем случае.

Последняя фраза мне не понравилась, и я потребовал разъяснений.

– А все просто, милейший, – хихикнул лорд Феррли. – Если вы, так сказать, подберете в тот момент, когда обе стихии будут находиться в вашем сознании, оно может... как бы вам объяснить понятнее... в общем, разорваться на части. И вы навсегда превратитесь в бессмысленное, беспомощное, слюнявое существо. Станете слабоумным, друг мой.

Меня передернуло. Так вот, значит, чем я рисковал! Хотя... риск в общем—то минимальный, если вдуматься. Во всех трех случаях применения смешанного заклятия не было никакого шанса «внезапно подобреть».

– Так что советую потренироваться, барон, и научиться совмещать источники в состоянии полного хладнокровия. Вы же знаете, это – одно из главнейших условий успешной волшбы.

Я с сомнением оглянулся: где тут можно упражняться в чарах? Пятачок, свободный от деревьев, крошечный, вспышки и грохот разбудят ребят.

– Не надо заклятий, – посоветовал демон. – Просто поучитесь раскрывать свой разум для обоих источников.

Я еще раз внимательно изучил окружающие джунгли, убедился, что опасности нет, потом уселся на плащ и принялся «раскрывать разум». Надо сказать, мне это не очень—то удавалось. Сначала сделал упражнение на концентрацию, потом призвал мрак. Все было замечательно, но вот воздух, который я хотел объединить с темным источником, никак не хотел являться в сознание, где господствовала чуждая ему сила. Когда же мне наконец удалось его уговорить, мрак обиженно выскользнул из разума черной змеей. Спустя час мучений, у меня все же получилось. Тогда выяснилось, что одновременное пребывание стихий в сознании приносит очень неприятное ощущение. Мне казалось, я был на грани безумия, разум стонал от чудовищной

нагрузки, душа металась между страхом и непонятым ликованием. Я лишь чудовищным усилием сохранял хладнокровие.

– Отпускайте источники по одному! – скомандовал лорд Феррли.

Я облегченно избавился от раздражавших меня сил.

– Вот! – назидательно произнес демон. – И так будет всегда! Поэтому применяйте комбинирование лишь в самых серьезных случаях и обязательно – слышите меня? Обязательно – сохраняйте спокойствие.

Я немного передохнул и уже раскрыл было рот, чтобы задать Артфаалу очередной вопрос, как вдруг ко мне подошел Лютый:

– Буди людей, лейтенант!

– Что случилось?

– Я чувствую опасность.

Быстро обследовав темную стену леса и ничего такого не заметив, я пожал плечами.

– Я чувствую! – настаивал Ом.

Интуицией полуэльфа пренебрегать не стоило, тем более что Артфаал, тут же исчезнув и столь же мгновенно появившись, подтвердил:

– За вами погоня, в майле примерно. Ваши старые знакомцы, братьев которых вы, барон, так удачно поджарили темным огнем. Идут быстро, их около полусотни. Вам не справиться, уходите. Они уже напали на след. Нужно поторопиться. А мне пора, господа!

С этими словами демон растворился в воздухе уже окончательно. Я его понимал: все равно у него не было возможности помочь. Сила мрака была почти так же слаба по сравнению с энергией Зеленого сердца, как и светлые стихии. Вздохнув, я проорал:

– Подъем!

Опытным воинам хватило пары минут, чтобы вскочить, из моих слов понять суть происходящего и собраться в дорогу. К всеобщей радости, Флиннел оклемался настолько, что сумел двигаться сам. Правда, его приходилось поддерживать, чем и занялся Йок, подставив товарищу свое плечо. Сайму тоже немного полегчало, и он даже мог говорить и шевелить руками, но вот ноги у него еще не двигались. На лицо Добба было страшно смотреть: царапины, оставленные кошкой, вспухли и загноились. Дрианн со склянкой в руке бегал вокруг капрала, пытаясь обработать раны.

– Того, этого, – отмахивался Добб. – Некогда, магия! Пошли уже!

Только с помощью гнома, который живо скрутил своего друга, магу удалось намазать царапины, покрывавшие тело капрала.

– Ты, дубовая башка, неправ! – рассуждал мастер Триммлер. – Не дай Луг, заболеешь, а в походе нам с тобой возиться некогда!

Капрал поворчал, но смирился. Сын гор с Зарайей подхватили плащ, на котором лежал Сайм. Отряд был готов к походу.

– Пойду впереди, а ты – замыкающим, – сказал я Лютому, забирая у него посох, который он соорудил себе для прощупывания дороги.

В самом деле, несмотря на всю эльфийскую интуицию, он не сумеет обнаружить магические ловушки. А вот в хвосте отряда от него толку больше будет, так как он единственный из нас чувствует преследователей. Я, сколько ни пытался, не мог их разглядеть. Даже вышел в астрал, но увидел лишь однообразную, сияющую девственной белизной ауру, покрывающую все вокруг. Видимо, ауры тех, кто шел по нашему следу, сливались с ней. Ом согласно кивнул, махнул рукой, задавая мне направление, и мы пошли. Абсолютная темнота джунглей, в которой проносились горящие точки чьих—то глаз, была не страшна лишь мне с моим зрением мрака. Да еще Лютому, который умел передвигаться на ошупь, каким—то шестым чувством определяя помехи на пути. Поэтому Дрианн сотворил маленький голубоватый огонек, пламя которого плясало прямо у него на ладони и напоминало свет вечной свечи. У меня мимоходом

мелькнула мысль, что даже проблему освещения маг теперь решает как—то по—иному. Тем не менее, так ребята хотя бы видели, куда идти.

И началась гонка по непроходимым ночным джунглям. Поначалу мы просто размеренно шли, подлаживаясь под скорость все еще хромавшего Флиннела и ребят, несших Сайма. Но потом Лютый резко проговорил:

– Они приближаются! Надо идти быстрее!

Я прибавил шаг, что было довольно сложно. Приходилось обследовать путь на предмет различных ловушек и подвохов, которые могли крыться где угодно и иметь любую форму. В Зеленом сердце возможно все, в этом мы уже могли убедиться на собственной шкуре. Впереди, шагах в пяти, явственно разило опасностью. Измененное зрение уловило тонкие лучи, льющиеся откуда—то из—под земли. Я сделал отряду знак остановиться и осторожно подобрался к неблагоприятному месту. Так и есть: широкая полоса короткой щетинистой травы явно была зачарована. Я отодрал от ближайшего куста ветку и кинул ее туда, где магия была особенно густой. Ветка взлетела на несколько даймов вверх, немного покрутилась в воздухе, потом вдруг ее очертания потекли, словно растворяясь, и она осыпалась на траву густыми каплями. Интересная волшба.

– Обходим, – бросил я и пошел вдоль полосы, выискивая место, где она заканчивается.

Но к моему вящему изумлению зачарованная трава, словно гусеница, поползла по направлению нашего движения. Я развернулся и зашагал обратно. Результат был тем же.

– Лейтенант, поторопись! – крикнул сзади Ом. – Они уже примерно в полумайле от нас!

Хорошо ему было меня поторапливать! Я шархнул по загадочной растительности Огненной стеной, но пламя, непонятно как, тоже превратилось в жидкость. А полоса травы, изогнувшись змеей, стала окружать отряд, смыкаясь вокруг нас кольцом.

– Отходим! – заорал я.

Поздно. Ребята ничего такого подозрительного не видели, для них зачарованная трава ничем не отличалась от остальной. Да, строго говоря, различие разглядеть было трудно даже с помощью зрения мрака. Магия была во всем, и опасные участки я выделял чуть ли не интуитивно, выбирая те места, где скопление магических эманаций было наиболее густым. Нужно было срочно что—то предпринимать. Я попробовал воздействовать на нехороший участок заклятием Норы червя, в надежде, что клятая травка провалится под землю. Напитал волшбу энергией мрака, но и это не помогло. Полоса, покрытая зеленой щетиной, словно тот червь из норы, выползла из провала и снова устремилась к нам, сжимая кольцо. Я беспомощно обвел глазами отряд, соображая, сколько времени мы еще продержимся. Взгляд упал на Дрианна, и меня осенило: ведь сумел же он помочь Лютому, уничтожив невидимых существ! Вдруг и сейчас получится?

– Попробуй! – сказал я ему, указывая на волны, бегущие по траве.

Не задавая лишних вопросов, маг вышел вперед, присел на корточки и принялся всматриваться в колыхание растений. Волшба уже подбиралась к носкам его сапог. Потом Дрианн вдруг резко сунул руки в зачарованную траву, вызвав у меня нервное восклицание, а у всех остальных – недоумение: чем это мы занимаемся? Вдруг меня обдало холодом, как будто из жарких джунглей я на какой—то миг угодил на Северный континент. Это ощущение продержалось всего мгновение, и как мне показалось, больше никто не почувствовал ледяного дуновения.

– Готово, – сказал Дрианн, указывая на черное кольцо травы.

Я наклонился: мертвые, пожухшие травинки съезжились, погибли на корню. Чем же обладает теперь мальчишка, какая сила кроется в его замкнутом сознании? Я поднял голову и встретился со взглядом мага. На похудевшем, осунувшемся лице мерцали мрачно—спокойные глаза. Наверное, мне почудилось в свете сотворенной им свечи, но на секунду показалось, что из голубых они превратились в черные.

– Пошли уже! – напомнил Лютый.

Мы перешли чуть ли не на бег. Тщательно осматривать джунгли времени не было, и я полагался больше на везение и свою хорошую реакцию, чем на зрение мрака. Сзади Ом подгонял воинов, повторяя, что преследователи наступают нам на пятки. Флиннел совершенно явно находился на пределе сил, несмотря на все старания Йока. Триммлер с Зарайей тоже запыхались, таща обезножевшего Сайма. Наше движение все замедлялось. «Может, зря мы бежим? – мельком подумал я. – Кто знает, вдруг Дрианн способен сейчас одним взмахом руки уничтожить существа, которые гонят нас, словно голодные волки – стаю зайцев?» Вдруг что-то холодным ветерком пронеслось через мое сознание, и я услышал слабый, но явственный ответ: «Нет, у меня не хватит сил... поглощение еще не завершено». Я едва не споткнулся, поняв, что Дрианн отвечает мне с помощью мыслеречи. До этого за ним таких способностей не водилось. То есть, он мог слышать, например, лорда Феррли, но отвечал всегда вслух. Какие еще умения получил мальчишка со смертью некроманта? И что такое поглощение? Как обычно, размышлять над важными вещами времени не было. Пожалуй, у меня уже вошло в привычку думать на бегу, мимоходом касаясь вещей, заслуживающих, чтобы им уделили долгие часы кропотливого анализа. Я оглянулся через плечо, и тут меня накрыло! Враги приблизились настолько, что стали доступны моему темному зрению. Мощные магические излучения волной катились в нашу сторону. Причем, как и всегда в Зеленом сердце, волшебство было совершенно чуждым и непознаваемым. Лютый тоже ощутил, что преследователи совсем близко.

– Это бесполезно, – вдруг произнес он, останавливаясь. – Надо готовиться к бою.

– К бою так к бою, – спокойно ответил за всех мастер Триммлер, вместе с Доббом устранив Сайма за толстым стволом дерева и поудобнее перехватывая рукоять топора.

Воины вскинули арбалеты, Дрианн повернулся лицом туда, откуда должны были появиться наши противники. На всех лицах читалась решимость сражаться до конца. Оглядевшись по сторонам в поисках удобных укрытий для стрелков, я зацепился взглядом за странную корягу. Низенькая, мне по пояс, болотно—зеленая, напоминающая формой человеческое тело, она была окружена сухой травой. А самым необычным в коряге было то, что она только что возникла в двух шагах от меня. Я мог бы в этом поклясться! И еще, от нее просто—таки шибало магией! Уверенный, что обнаружил новую магическую ловушку, я сотворил огненный шар, в слабой надежде на то, что сумею уничтожить ее. Но коряга лихо переместилась за дерево. Разозлившись, я двинулся за ней, сплетая на ходу заклятие молота Дадды. За стволом деревяшки не оказалось.

– Лейтенант, ты в своем уме? – возмутился Лютый. – Дикари на подходе, а ты вокруг деревьев скачешь!

Махнув рукой на упрямую корягу, я собрался было выбраться к ребятам, но обнаружил, что меня окружил целый выводок кривых пеньков. Причем они были вооружены копьями и дубинками, которые сжимали в длинных отростках корней. Я протер глаза, подозревая, что из—за переутомления от использования темной силы у меня начались видения. Тем более что у деревяшек внезапно появились огромные печальные глаза. Что—то в них было такое знакомое...

– Рик, вы где? – отчаянно выкрикнул Дрианн.

Я оттолкнул одну из коряг, но она оказалась упорной: что—то пропищав, воинственно направила на меня коротенькое копьцо. Я окончательно взбесился. Луг великий и все боги Аматы, да что здесь творится—то? Пеньки гнилые, и те насквозь проткнуть норовят! Тут вдруг та деревяшка, которую я безуспешно пытался убрать с моего пути, прямо на глазах превратилась в зелененькое ушастое существо со сморщенной то ли старческой, то ли младенческой мордочкой. Гоблин, ну надо же! Сначала был накрыт мороком, заставившим меня принять его за корягу. Причем огромной силы, раз его не могло разгадать даже зрение мрака. Только вот зачем он его снял? Словно в ответ на мои мысли, гоблин разразился агрессивным верещанием,

указывая то на меня, то на окружающие нас джунгли. Его писк я истолковал как возмущение по поводу нашего вторжения. И ответил как можно миролюбивее:

– Ну, извини. Что ж теперь поделаешь! А теперь пусти, у меня драка намечается, – и попытался обойти ушастого.

Не тут—то было! На меня со всех сторон нацелились копья, а мой не покрытый мороком собеседник щелкнул сухими пальчиками, и вокруг нас сгустился непроглядный туман.

– Лейтенант! Лейтенант! Где он, демон его задери? – раздался голос мастера Триммлера.

– Да что ж вам надо—то, лягушки вы болотные? – взревел я. – Мы ж вас не трогаем, идите с Лугом!

Гоблин свистнул и возмущенно уставился на меня. Та—а—ак, видно, переговоры ни к чему не приведут. С минуты на минуту здесь будут преследующие нас твари в человеческом обличье, а я заперт в теплой компании. Может, подарить им чего—нибудь? Старательно улыбаясь, я зашарил по карманам, выискивая достойный сувенир для моих маленьких друзей, мысленно проклиная их на чем свет стоит. Кошелек с золотыми монетами. Ушастый внимательно его изучил снаружи, но не впечатлился и заглянул внутрь. Потом сунул туда лапку, вытащил одну монету, зачем—то обнюхал, презрительно скривил и без того морщинистую рожицу. Ясно. А это что? Зеленый вынул из кошелька какой—то небольшой плоский кругляшок. Я воззрился на эту штуку и, подобно гоблину, издал резкий свист: камешек, который дала мне Гир—га! Точно! Гоблин секунду изумленно таращился на камень, потом, благоговейно запищав, победно поднял его на ладошке, а кошелек вернул мне.

– Рик, Рик, где вы? – голос Дрианна.

– Лейтенант! – мастер Триммлер.

– Исчез, того, этого... – это уже Добб, конечно.

– Они сейчас будут здесь, я слышу их шаги! – Лютый как всегда спокоен и хладнокровен.

Гоблины, в полном составе избавившиеся от морока, ухватились за меня со всех сторон и куда—то принялись толкать. Я нехотя следовал за ними и удивился, оказавшись рядом с воинами. Мой собеседник, видимо, главный в этом маленьком отряде, что—то протрещал, и теперь уже все мы оказались окутаны туманом, в котором, впрочем, отлично различали друг друга.

– Что это, раздери тебя Варрनावуш? – возмутился Йок. – Откуда ты взялся, лейтенант? И ушастых где откопал?

Главарь гоблинов отбежал от меня и приглашающе взмахнул рукой. При этом в моем сознании слабо отдалось: «Скорее, скорее, мы не сможем долго морочить могучих...» Я вдруг понял, что маленький народец пытается помочь нам, и крикнул:

– Ребята, за мной!

Спасибо Лугу, никто не усомнился в разумности моего приказа, и мы быстро двинулись вслед за зелеными, которые уверенно вели нас куда—то прочь от опасного места. Идти пришлось долго. Периодически вожак, который шел сзади, что—то выкрикивал, швырял на землю какие—то зернышки, приседал на корточки, шептал траве длинные заковыристые фразы, в общем, вытворял нечто непонятное и загадочное. Насколько я понял, пытался сбить неведомых могучих со следа. Наконец Лютый, помогавший Йоку вести Флиннела, произнес:

– Я не чувствую погони.

Это известие немало меня порадовало, но заставило задать вопрос:

– И все же: я понимаю, что ты угадываешь преследователей интуитивно. Но как умудряешься определять расстояние?

– На слух, – усмехнулся Ом. – Думаешь, зря у меня такие уши огромные?

Ну, это он явно преувеличивал: уши у него были вполне нормальные, только немного вытянутые вверх и заостренные на концах. Но у чистокровных эльфов они и правда покрупнее будут. Я никогда не видел настоящих белоглазых, но дядюшка Ге рассказывал мне о них.

«Уши у них длинноватые, – говорил он, – но далеко не такие, какими их часто изображают на картинках. Это ж не первозданные, а ишаки какие—то! Попробовал бы художник сам с такими лопухами по лесу побегать!» Так вот, чуткие эльфийские уши – это не сказка. Слух у них действительно в несколько раз острее нашего. Так что мне стало вполне понятно, каким образом Лютый мог оценить дальность погони. Улавливал звуки шагов. Я мог бы и сам догадаться. Отсутствие преследования меня порадовало. Гоблин, казалось, тоже пришел к выводу, что мы оторвались от могучих. Он немного сбавил темп. Наконец, когда сквозь макушки деревьев проникли первые лучи солнца, мы поднялись на холм, и, когда оказались на его вершине, вождь указал вниз. Я ничего не увидел, кроме ограниченного с четырех сторон холмами пространства, которое было наполнено непроглядным туманом, словно глубокая тарелка – молочным киселем. Ушастый простер над долиной лапки и принялся немзыкально завывать что—то вроде заклятия. Как только отзвучал его последний вопль, хлопья густого тумана сами по себе поднялись ввысь и устремились к небу, а нашим глазам представилась невероятной красоты картина. Внизу раскинулась чашеобразная долина, посреди которой серебряным зеркалом мерцало абсолютно правильной формы круглое озеро. По берегам стояли невысокие опрятные домики, сплетенные из травы. Джунгли словно отступили от долины, и деревья росли только на холмах, да и то невысокие и редкие. А вокруг озера, между домами, имелись только пышные, высокие, примерно в мой рост, кусты. Крупные благоухающие цветы усыпали их так густо, что почти закрывали собой листья. Это выглядело очень необычно: домики гоблинов утопали в алом, розовом, синем, фиолетовом, желтом, бордовом, оранжевом цветении – казалось, здесь собраны все оттенки, на какие только способна природа. Вожак решительно зашагал вниз, поощрительно кивнув нам головой. Мы спустились к озеру. Долина жила своей жизнью: между домами сновали деловитые гоблинши. Одни таскали корзинки с ягодами, фруктами и овощами, другие несли пучки корней, третьи что—то тщательно полоскали в прозрачных водах озера. Крохотные детишки – гоблинята, что ли? Не знаю, как правильно назвать – окружили наш отряд, тараша удивленные глазенки, что—то вопросительно верещали. Пожилой сморщенный гоблин – пастух гнал стадо очень интересных животных, похожих на маленьких барашков, но с украшенными свиными пяточками мордочками. Зеленые жители деревни весьма заинтересовались нашим появлением, но никто кроме детей не выказал откровенного любопытства. Поглядывали искоса, но не переставали заниматься своими делами. Наш проводник гортанно крикнул, и тут же к нему торопливо устремились три гоблинши. Указав им на нас, ушастый повелительно что—то произнес, и дамы сорвались с места. Наш друг был здесь персоной уважаемой, и его распоряжения выполнялись неукоснительно. Вскоре прямо на низкой, густой, как мех, траве, были расстелены циновки, на которые нас пригласили присесть. Что мы с великим облегчением и проделали. Хозяин же с достоинством поклонился, что выглядело довольно потешно, и важно представился:

– Йайли.

Имя звучало куда как необычно. В ответ мы тоже назвались, в свою очередь немало озадачив гостеприимного ушастика, который так и не сумел толком воспроизвести вслух звучание наших имен. Гоблинши принялись таскать и расставлять перед нами деревянные и глиняные миски с едой: лепешки, ягоды, неведомые фрукты, куски копченого мяса. Венчал все это великолепие большой кувшин, наполненный кисло—сладким напитком, очень освежающим и приятным. До нас донесся запах дыма: еще две дамы спешно развели костер, установили над ним приспособление вроде треножника с решеткой и принялись жарить только что выловленную из озера рыбу. Аромат от нее исходил необыкновенный! Мы с удовольствием поглощали все, что нам предложило гостеприимное племя. Йайли уселся рядом и важно кивал в ответ на наши попытки выразить ему благодарность за обильный стол. Когда мы наелись и сыто откинулись назад, хозяин поднялся и подошел к Доббу, лицо которого все еще было вздувшимся и красным. Внимательно осмотрев капрала, гоблин покивал сам себе и куда—то

ушел. Вернулся он с набором интересных предметов: кусок грубой, но чистой ткани, глубокая глиняная миска, представлявшая собой подобие масляного светильника – на дне ее горел огонек. Большой острый нож, нечто вроде кисточки – деревянная ручка, из которой торчал пучок длинной шерсти, по—видимому, принадлежавшей бараноподобным существам. Все это Йайли разложил перед Доббом и снова убежал. Возвратился, в правой лапке гоблин держал большую емкость, полную серебряной озерной воды, в левой – только что сорванную ветвь кустарника, покрытую ярко—синими цветами. Мы с интересом наблюдали за манипуляциями гоблина, он же присел на корточки и молча воззрился на лицо Добба. Потом вдруг резко встал, подбежал к растерянному капралу и накинуд ему на голову кусок ткани. Удивленный воин хотел было скинуть тряпку, но я остановил его:

– Погоди, он помочь хочет.

Я предчувствовал, что сейчас стану свидетелем гоблинской магии, той самой, «слабой», как учили Дрианна в университете, и покосился на мальчишку: он наблюдал за действиями Йайли с открытым ртом. Впрочем, все остальные тоже заинтересовались. Гоблин взял в лапки миску—светильник и принялся обходить Добба посолонь, что—то бормоча себе под нос. Поначалу я пытался сосчитать количество кругов, потом плюнул на это неблагодарное занятие и просто смотрел, как Йайли священнодействует: шаг вперед – три шага назад, шаг вперед, еще два – два назад... И так далее. Потом пришел черед ножа: меня даже несколько насторожила та решимость, с которой колдующий ушастик двинулся в сторону капрала. Мастер Триммлер тоже напрягся. Но обошлось: гоблин просто поводил оружием перед лицом Добба, потом вокруг его тела, словно отсекая что—то невидимое. Затем сдернул ткань с головы капрала. Признаться, я ожидал, что лицо воина предстанет перед нами исцеленным и нетронутым. Но этого не произошло: воспаленные царапины никуда не делись. А Йайли, по—прежнему шепча и завывая на все лады, окунул цветущую ветвь в озерную воду и несколько раз с силой взмахнул ею перед Доббом, так что брызги полетели ему в лицо. Потом обмахнул шерстяной кистью и снова на мгновение прикрыл тряпицей. И вот когда он ее снял, лицо капрала действительно засияло гладкой, чистой кожей. Даже рубцов не осталось.

– Вот это да! – восхищенно прошептал Дрианн, на миг сделавшись похожим на того восторженного парнишку, которого я знал.

Добб прикоснулся к щеке кончиками пальцев.

– Того, этого, все прошло что ли?

– Э—эх, дубовая башка! – От избытка чувств мастер Триммлер шарахнул друга по спине.

Йайли же перешел к Флиннелу. Здесь он действовал по—другому: долго смотрел капралу в глаза, прикладывал огромное ухо к груди здоровяка, потом размахивал вокруг него ножом. Наконец с недовольным видом отошел. Флиннел озадачено пожал плечами, показывая, что никаких изменений в его самочувствии не произошло. Гоблин же занялся Саймом: его он особенно тщательно осматривал, обмахивал кистью, что—то бормоча себе под нос. Когда он уже собирался оставить парня в покое, Флиннел вдруг радостно выкрикнул:

– Ребята, а ведь мне полегчало!

Он поприседал, помахал руками, потом даже несколько раз подпрыгнул. К нему вскоре присоединился Сайм, чьи конечности окончательно избавились от паралича. На радостях воины вдвоем исполнили зажигательную реллу. Однако гоблин остался недоволен. Хотя... возможно, мне показалось. По плаксивым физиономиям этих существ очень трудно определить их чувства и мысли.

Снова появились гоблинши и засуетились, убирая посуду. Затем под кустами уложили толстые циновки, сверху на ветви натянули такие же, но тонкие, чтобы не беспокоили солнечные лучи. Жестом Йайли предложил нам отдохнуть. От одного вида спального места в прохладе густых кустов мои челюсти свело зевотой. Все ребята, похоже, разделяли мои устремления. Усталые, невыспавшиеся, да еще и пережившие, они завалились в тенек. А я остался в

карауле, решив дать воинам возможность отдохнуть. Немного посидел на краешке циновки, потом поднялся, прошелся по селению, поглазел на то, как суетятся гоблины. Осмотрел склоны холмов, ничего подозрительного не заметил. Двинулся к озеру. Удивительная в нем была вода! В ее серебристой поверхности отражалось небо. Я зачерпнул пригоршню: прозрачная, кристально чистая, неуловимо пахнувшая свежестью.

– Целебная, – произнес кто–то за моей спиной.

Я обернулся и увидел Йайли, который пристально смотрел на меня.

– Она излечивает любые недуги, – продолжал он.

Губы его при этом не шевелились, и я сообразил, что слышу мыслеречь.

– Куда ты идешь, Рийк? – даже мысленно зеленый не мог правильно произнести мое имя.

Я решил говорить начистоту. В конце концов, Йайли помог нам один раз. Вдруг сумеет указать дорогу к изначальным. Медленно, подбирая слова, я попытался в доступной форме объяснить, кого ищу. Сморщенная мордочка искривилась в подобии улыбки.

– Мудрое племя... Их селение не так уж и далеко отсюда.

– Мудрое племя?

– Так мы зовем тех, кто тебе нужен, Рийк.

– Тогда, может быть, ты расскажешь мне, кто они такие?

– Это – душа джунглей, их средоточие.

– Они могут помочь моей стране?

– Они могут все. Но не знаю, захотят ли они говорить с тобой.

– А ты согласишься проводить нас к ним?

Йайли надолго задумался.

– Мудрое племя не любит пришельцев. И дорога к нему опасна. Но у тебя Камень помощи. Это старинный гоблинский талисман. И любой из малого племени должен помогать его обладателю. Да, я провожу вас, – наконец произнес он.

– А кто гнался за нами?

– Могучее племя. Это – охрана Зеленого сердца, его воины. Они уничтожают всех чужаков, оказавшихся в джунглях.

– Странные у вас тут порядки.

– Нет, Рийк. Все просто. Мы все – единое целое. Каждый выполняет свое предназначение.

Лишь так можно выжить в Зеленом сердце.

– Гоблины жили здесь всегда?

– Нет. Много веков назад малое племя пришло в Зеленое сердце, спасаясь от людей, которые считали нас нечистью и безжалостно уничтожали. И Зеленое сердце приняло гоблинов. Теперь мы – часть его.

После этого рассказа мне стало понятно, почему исследователи никогда не возвращались из этих джунглей. Конечно, если у леса есть своя армия, занимающаяся отловом нежелательных пришельцев... Неожиданно Йайли сказал:

– Те двое... они скоро умрут.

– Какие двое? – подскочил я.

– Те, кого ранили дротики могучего племени. От этого яда нет спасения.

– Но ведь они почувствовали себя лучше!

– Я просто призвал благословение Зеркального озера, которое принесло им облегчение. Теперь смерть их не будет мучительной. Но она обязательно скоро придет.

Я опустил голову. Сайм и Флиннел! Молодые, полные сил парни! Задери Хайнира это самое могучее племя! Лучше бы он мне этого не говорил. Знание разрывало мою душу, тяжким камнем ложилось на сердце. Как сказать об этом воинам? И нужно ли? Быть может, лучше, чтобы последние часы их жизни не омрачались ожиданием кончины? В сознание, отравленное горькими размышлениями, ворвались слова Йайли. На этот раз они ударили еще сильнее:

- Один из вас несет в себе великое зло.
- Кто?
- Юноша с желтыми волосами.
- Дрианн?!
- Да, кажется так он себя назвал.

Вроде бы ничего нового я не узнал, ведь мы с лордом Феррли подозревали, что магу досталась сила побежденного некроманта. Но услышать подтверждение своим смутным догадкам было мучительно. Я осмелился спросить:

- Он опасен?
- Пока нет, – последовал уверенный ответ. – Но в будущем может причинить немало бед.

«Вот тебе и слабая магия гоблинов!» – в который раз подумал я. Мой мысленный собеседник уловил эту фразу.

– Магия гоблинов всегда была сильной, но то, чем мы пользуемся здесь, не имеет к ней никакого отношения, – и, не дожидаясь моего вопроса, продолжил: – Здесь царит магия Зеленого сердца.

- Что она такое, ты можешь мне объяснить?

– Нет. Я и сам не знаю. Думаю, если ты, Рийк, доберешься до мудрого племени, то все узнаешь сам.

- Угу, при условии, что они захотят мне рассказать.

– Не пройдя путь, не узнаешь, что скрывается в конце, – глубокомысленно заметил Йайли. – А теперь отдохни, Рийк. Тебе предстоит длинная и многотрудная дорога. Перед закатом солнца мы должны покинуть селение. Могучее племя в конце концов выйдет на ваш след. И если застанет вас здесь, жестоко покарает малых за помощь чужакам. Единственное ваше спасение в том, что могучее племя разбито на десятки мелких селений. И у каждого из них свое место охоты. Никто не может преодолеть границы дозволенного.

- Но ведь они могут, наверное, каким—то образом сообщить в соседнее селение.

– Они этого не сделают, Рийк, – как—то печально покачал головой Йайли. – Несмотря на то, что все мы – единое целое, мы разобщены. Только так сохраняется равновесие в Зеленом сердце. Здесь нет ни дружбы, ни любви.

- Но почему тогда...

– Я никогда не бывал за пределами Зеленого сердца, как и мой отец, и мой дед, и прадед, и много—много поколений гоблинов до них. Но мы сохранили традиции и легенды своего народа. Те, что сумели пронести через века. Одна из них повествует о Камне помощи. Я не могу отказать тебе, ведь талисман получен от наших далеких собратьев.

- Откуда ты знаешь? Ведь я мог украсть его или отобрать.

– Тогда с него пропали бы древние письма. Скажи, Рийк, могу ли я узнать что—нибудь о гоблинах, давших его тебе?

Я вызвал в памяти картинку болота, на котором стояла гоблинская деревенька, образы Гир—ги и Дар—ха. Мордочка Йайли расплылась в блаженной улыбке.

– Сегодня великий день! Малое племя узнало, что где—то есть его братья и сестры. Благодарю тебя, Рийк. Ступай, поспи, перед закатом выходим.

Я растолкал Лютого и, передав ему слова гоблина, улегся на циновки. Поначалу сон не шел ко мне, печальные новости не давали покоя измученному сознанию. Сайм и Флиннел... Неужели ничего нельзя сделать? А Дрианн? Мальчишка мирно посапывал неподалеку. Я долго смотрел на его утомленное лицо. Что ж, он станет некромантом или может вообще превратится в нежить? Быть может, эти самые изначальные, если они такие мудрые, как утверждал Йайли, сумеют нам помочь? А ведь они есть... Прав был Ридриг. Моя цель близка, очень близка. Но что делать дальше? Не будучи уверенным, что дойду до сокровенных глубин Зеленого сердца, к тому же в глубине души подозревая, что никаких изначальных там нет, я не готовился к

встрече с ними. Не задумывался о том, что скажу этим непонятым существам. Откладывал эти размышления на потом. И вот проблема встала передо мной во всей красе. Допустим, гоблин сумеет провести нас к обители загадочного племени. Допустим даже, они согласятся меня выслушать. Предположим, что они обладают способностью к мыслеречи, даже наверняка обладают. Не стану же я объясняться с ними по—галатски. Что дальше? Где найти убедительные слова, что посулить взамен помощи? Неужели пообещать тысячу детских жизней? Отправить ребятишек в это чудовищное место, где даже магия какая—то непонятная? Луг знает! А вот я – нет. Наконец меня сморил спасительный сон, растворивший в своем тумане остатки тяжелых мыслей. Я сдался ему на милость, с облегчением подумав напоследок: чему быть, того не перебить...

* * *

Султан Ирияс Второй внимательно всматривался в мутную поверхность Зеркала душ: пора бы уже Ильману выйти на связь. Тонкие пальцы Солнцеподобного нетерпеливо барабанили по столешнице драгоценного черного дерева. Мальчишка заставляет себя ждать! Наконец стекло подернулось рябью изморози, которая затем стала стремительно отступать к краям, оставляя после себя голубоватое сияние. Из—под ярких лучей проступило смуглое молодое лицо с испуганными черными глазами.

– Ты слышал мой вызов? – нахмурился султан.

– Да, Солнцеподобный! Простите меня, но я не мог прервать процесс поглощения.

– Хм... хорошо. Много ли тебе удалось сделать?

Юноша замялся:

– Не очень, Солнцеподобный. Сто заготовок ждут своего часа.

– Почему так мало?

– Значительную часть приходится посылать на охоту. Многие не возвращаются.

– Как дикари?

– Они всецело помогают нам, Солнцеподобный, – немного помолчав, словно не решаясь в чем—то признаться, Ильман робко проговорил. – У меня плохая весть, Солнцеподобный.

Султан нахмурился, предчувствуя, что речь пойдет об Аталле, который вот уже четвертый день не откликался на его призывы. Потеряв терпение, Ирияс поручил юноше выяснить причину этого молчания. И вот теперь молодому некроманту по—видимому есть что сообщить.

– Аталла погиб, Солнцеподобный.

Погиб! Один из его лучших учеников, на подготовку которого было потрачено двадцать лет обучения! На этого талантливого мага султан возлагал особые надежды. Ирияс прикусил губу, дабы не показать охватившие его бешенство и гнев, недостойные великого властелина. Он на миг опустил веки, а когда вновь поднял их, в глазах не было уже безумного блеска. Лишь непроглядная тьма смотрела из них, непроницаемая и бесконечная.

– Как это произошло?

– Его убил галатский маг.

– Не может быть, – тихо проговорил султан, и в этом спокойном, ровном голосе угрозы было больше, чем в ином гневном окрике. – Ты ничего не перепутал? Маги Галатона слабы и беспомощны. Во всяком случае, те из них, которых называют боевыми.

– Нет, Солнцеподобный! Это был маг из империи. Аталла похитил его и собирался сделать заготовку. Но тот вдруг начал сопротивляться, произошел поединок, и галатец убил Аталлу. Мне рассказал об этом один из дикарей, который сумел спрятаться во время побоища.

Проклятье! Теперь еще выясняется, что сила Аталлы досталась имперскому магу. Впрочем, он вряд ли сумеет ее использовать. А если и сумеет... некромантия в его стране запре-

щена. Ее бояться до такой степени, что волшебника с такими возможностями четвертуют без всяких разговоров. Никому в голову не придет изучить несчастного, дабы понять, какие силы движут им. Если только о нем узнает сам Верховный маг... но такая вероятность ничтожно мала. Шпионы доносили, что чародейство Объединенной империи пребывает в упадке, университет обучает волшебников кое—как, многие отрасли магического искусства просто объявлены незаконными. Конечно, в секретных лабораториях велись серьезные исследования под эгидой имперских псов. Но все это было каплей в море по сравнению со всеобщим невежеством. Нет, какого—то колдуна из Галатона можно не опасаться. Впрочем, если подвернется случай, Ирияс с удовольствием рассчитается с ним за гибель лучшего ученика. Сейчас ум султана занимал другой вопрос:

– Что с носферату?

– Уничтожены, Солнцеподобный.

– Разве они не пошли за новым хозяином?

– Пошли, но на выручку магу пришел целый отряд, порубивший носферату в куски.

Ирияс вздохнул. С одной стороны, жаль, конечно, труда и времени, потраченных Аталлой на создание зомби. С другой – у мага не будет возможности сопоставить их странное поведение со смертью некроманта.

– Ты свободен, Ильман. Ступай. Я доволен тобой.

Лицо колдуна просияло от радости, затем Зеркало душ снова помутнело и превратилось в обычную кривоватую амальгаму. Ирияс задумался, поглаживая холеную черную бородку. Осталось получить отчет от остальных семи, но это подождет... В приемной дожидаются пленители, отправляющиеся в Галатон. Необходимо убедиться в том, что они готовы к миссии. Ирияс легко поднялся из—за стола. Высокий, худощавый, стремительный, он быстрыми шагами неслышно пересек устеленную коврами просторную комнату. Полы длинного халата из великолепной эмиратской черной парчи, подпоясанного затканым золотом кушаком, разлетались в стороны. Султан распахнул резные двери, ведущие в новые, не менее роскошные, покои. При его появлении десять мужчин и одна девушка, сидевшие прямо на коврах, поспешно встали на колени, смиренно склонив головы. Черные длинные одеяния, черные повязки, прикрывающие лоб, черные волосы – люди были похожи на стаю ворон.

– Вы поняли задание? – мягко спросил Ирияс.

– Да, Солнцеподобный, – пронеслось по комнате.

– Хорошо. Помните: никто не должен знать вашей истинной сути. В столицу не суйтесь, там слишком много ищеек и магов. Обходите крупные города. Путешествуйте по провинциям, останавливайтесь в деревнях и селах. Не задерживайтесь подолгу в одном месте...

Ирияс говорил довольно долго, и шеймиды почтительно внимали ему. Конечно, все это они уже знали. В школе их тщательно готовили к отправке в другие страны, и нещадно выбраковывали тех, кто был не в состоянии контролировать себя или не проявлял рвения к учебе. Но личная аудиенция Солнцеподобного была значительным событием. Неважно, в сущности, что он говорит, главное – он здесь, их вождь, надежда страны, вдохновитель беседует с ними.

Наконец, отпустив воинов, Ирияс прошел в подвал, где располагалась школа. Случайный прохожий, взглянувший на дом некоего почтенного купца, никогда не подумал бы, что под этим светлым, словно взмывающим ввысь зданием, красотой способным поспорить с дворцом султана, находится огромное разветвленное подземелье. Оно было наполнено магическими ловушками, охраняющими духами, неожиданно возникающими из каменных стен, злобными сущностями, готовыми разорвать чужака. К тому же здесь имелось все необходимое на случай вражеского вторжения. В подземелье могли спрятаться и жить не менее месяца около сотни человек. И еще: среди хитросплетения потайных ходов имелся один, известный только Ириясу, который проходил под городом, а заканчивался далеко за его пределами.

Солнцеподобный проследовал длинным коридором, осторожно отдернул тяжелую бархатную драпировку и очутился в небольшом круглом зале, опоясанном двумя рядами скамей, на которых сидели дети лет пяти – шести. В центре образованного ими круга стоял седобородый старик в черной одежде и что-то рассказывал скрипучим строгим голосом. Все внимание учеников было приковано к нему, поэтому Ирияс остался незамеченным. Он немного постоял, прячась за шторой, прислушался к тому, что говорил учитель Умар, затем развернулся и зашагал назад. Все хорошо, все идет, как надо. Детей придется обучать долго, но они – надежда страны, ее будущее. Ибо у Андастана нет будущего без некромантии.

Поднявшись в свой кабинет, Ирияс опустил в мягкое кресло и положил на колени раскрытую книгу. Но вскоре поднял голову, а взгляд его стал рассеянным. Солнцеподобный глубоко задумался.

Несколько тысячелетий назад Андастан был одной из самых могущественных держав Аматы. Пожалуй, даже самой могущественной. И все благодаря необыкновенным способностям его жителей к некромантии. Большинство андастанцев рождалось с этим даром. Никто не рисковал воевать против этой страны – ни одно войско не могло сравниться в силе с армией некромантов. И они победно шествовали по этому миру, оставляя за собой целые города, полные покорных рабов, вытягивая жизнь из всего, к чему прикасались их руки. Ирияс тяжело вздохнул. Как случилось, что великий талант андастанцев стал их же проклятием? Пожалуй, дело в том, что некромантов было слишком много. Каждый из них стремился поглотить как можно больше человеческих душ, чтобы увеличить свои силы и продлить жизнь. Со временем некоторые некроманты стали настолько могущественными, что их даже сложно было назвать людьми. А дар, которым обладали жители жаркой страны, не имел ничего общего с той магией, которая известна людям сегодня. Солнцеподобный усмехнулся, подумав, что это в сущности вообще не было магией. Чем больше душ поглощал колдун, тем сильнее становилось желание поглотить еще. Ирияс не знал, с чем это было связано, но уже испытал это явление на себе. Остановиться очень трудно, это – как диджах. Потому не желающие прервать свое восхождение к вершинам бессмертия и власти некроманты стали забирать души у своих соотечественников. В Андастане воцарился хаос, начались народные беспорядки. Самые могущественные чародеи сражались друг против друга: победитель забирал плененные побежденным души, а значит, его силу и жизнь. Желая отвлечь народ от внутренних распри и опасаясь, что некроманты скоро не оставят в Андастане живых людей, султан развязал войну с соседом – Журженью. Вот здесь и пришел конец великой, неповторимой андастанской цивилизации. Свободолюбивый народ дал решительный отпор, оказалось, что журженьцы обладают такими магическими познаниями, которые дают возможность противостоять некромантии. Все – от мала до велика – встали под знамена мудрецов – так почему-то в Журжени назывались волшебники. И впервые некроманты познали горечь поражения. Их били по всем фронтам – и в сражениях между армиями, и в магических поединках. В книге под названием «Андастан: великие и страшные страницы истории», которая лежала на коленях у Солнцеподобного, приводилась древняя легенда о мудреце по имени Цзяо Ли, который бросил вызов правителю Андастана – великому некроманту, султану Хармезу Второму. Ирияс опустил глаза на давно знакомые, с детства выученные наизусть строки: «Стоял великий султан, как непоколебимая скала, как могучий тигр – владыка леса, как солнце в небе, свет которого затмевает звезды и луну. Глаза его сверкали, как два черных огня, волосы развевались на ветру, грозен и прекрасен был лик его, и даже деревья и травы склонились перед его величием. Простер Хармез руки и обратился с речью к своему сопернику. И страшны были слова его, и задрожала от них сама земля. Цзяо Ли ростом был мал и худ чрезвычайно, лицом желт и безобразен. Словно суслик, вылезший из своей норы, стоял он перед султаном, но не было страха в глазах его, когда отвечал он на слова Солнцеподобного»...

Ирияс захлопнул книгу. Врал летописец, врал. Во—первых, не мог быть прекрасен лик султана, хотя бы потому, что к моменту решающей битвы возраст некроманта насчитывал пятьсот лет. За такое время, прожитое благодаря поглощенным душам, чародеи утрачивали человеческое обличье. Нет, конечно с помощью магии можно было поддерживать пристойный облик, но где—то после третьей сотни лет лицо становилось жутким. Словно само время смотрело из глаз, накладывая свою неумолимую печать на того, кто проживал чужие жизни. Во—вторых, земля, конечно, не дрожала от слов Хармеза. С чего бы великой стихии, повелительнице всего живого, пугаться пусть могущественного, пусть пятисотлетнего, но все же смертного. Солнцеподобный захлопнул книжку. Какой смысл перечитывать то, что прекрасно помнишь? Дальше мудрец победил некроманта с помощью какого—то фокуса со временем. Что это была за волшба – никто до сих пор не разгадал. А журженьцы своих тайн не выдают. Гибель султана была первой каплей в чаше горького яда поражения, которую Андастан испил до дна. Наследник Хармеза, взойдя на престол, своим первым указом запретил некромантию. Под страхом смерти. И много тысяч лет великое знание, данное андастанцам от рождения, слабой искоркой тлело под спудом жестких законов и запретов. Люди забыли о героической истории своей страны, боялись одного упоминания того великолепного искусства, которым владели их почти божественные предки. Слово «некромант» стало ругательным, его употребляли лишь тогда, когда хотели оскорбить недруга. Но богов не обманешь: сила, бурлящая в крови людей, никуда не исчезла, и никакие наказания, никакие казни и суды не вытравили ее. Андастанцы – избранный народ, в этом Ирияс не сомневался. И будущее страны – именно за некромантией. Нужно только находить тех, в чьих жилах течет кровь некромантов, нужно растить их, воспитывать, обучать и лелеять. Нужно вырастить целое поколение волшебников, способных использовать то неведомо—прекрасное, загадочное, неизвестно почему и кем дарованное умение. Конечно, прежде чем Андастан возродится, докажет всему миру свое величие и займет подобающее ему первое место в политической иерархии, придется потрудиться. Этого султан не боялся. На Востоке умеют работать.

Солнцеподобный поднялся с кресла и подошел к витражному окну, из которого был виден мощный розовым камнем двор. Там седлали коней одиннадцать шеймидов. Десять мужчин и одна девушка. Еще одиннадцать воинов его тайной армии. Молодые, сильные, хорошо обученные. Не знающие слова «жалость», не умеющие сострадать, понимающие лишь язык силы. Готовые принять смерть во имя своей многострадальной страны и султана Ирияса Второго – гениального, мудрого правителя, вождя, сумевшего преступить через химеру страха, отринувшего нелепые запреты, ведущего свой народ к господству над миром.

Взлетев на коня, Лилла собралась уже прищипорить его и с криком «джа!» вылететь на узкую улочку, ведущую к торговому тракту. Но вдруг ощутила на себе чей—то пристальный взгляд. Она подняла глаза и увидела, что сверху через разноцветные мозаичные кусочки витража на нее смотрит Солнцеподобный. В который раз девушка поразилась одухотворенности его лица, угольному жару черных глаз, их священной одержимости. «Как он прекрасен, наш великий учитель», – подумала она, склоняя голову и краем сознания улавливая ласковую улыбку на этом чудесном лице. Ради него Лилла готова была пройти через любые испытания: затеряться в чуждом Галатоне, изображая дочь торговца или невесту ремесленника, жить в глухих деревнях, работать день и ночь над заготовками, не иметь дома, вечно странствовать, словно перекаати—поле... и даже взойти на костер или принять любую другую смерть. Все будет блаженством, потому что в трудное мгновенье можно вспомнить эту нежную, тайную, сладкую улыбку, адресованную только ей одной.

Ирияс смотрел, как одиннадцать всадников покинули двор, и долго еще стоял у окна, распахнув створку и наслаждаясь благоуханием цветущего жасминового куста. Требуется время. На Востоке умеют ждать...

* * *

– Подъем, ребята! – зазвенел над головой голос Лютого.

Я раскрыл глаза: наступал вечер, серебро озера окрасилось в алые закатные тона, кусты отбрасывали длинные плотные тени. Рядом с Омом стоял Йайли, зеленая физиономия которого выражала решимость.

– Пора выступать. Я поведу вас тайными тропами, Рийк, – прозвучало в моей голове. – Дойдем до Тала – так мы называем реку, а в его устье, там, где Тал впадает в Шард, я вас покину. Малому племени нельзя ходить дальше.

Уже знакомые гоблинши принесли нам изрядный запас провизии, и мы вслед за Йайли двинулись вдоль берега озера. Ушастик уверенно шел впереди, опираясь на короткое копьё. Периодически он кидал через плечо какие-то семена, одновременно нашептывая нечто вроде заклятий на своем странном языке. Вскоре на землю опустилась тьма, а мы взобрались на холм, и оттуда спустились в густые джунгли. Гоблины обладали способностью видеть в темноте, и наш проводник даже не замедлил шаг. Однако, оглянувшись на спотыкающихся и поминающих всех богов Аматы воинов, он щелкнул пальцами, и над нами засиял белый шар, ярко освещая окрестности в радиусе десятка шагов. На всякий случай я все-таки воспользовался зрением мрака, чтобы не пропустить опасность. Но поведение Лютого меня успокоило: он совершенно точно не ощущал никакого преследования. Идти было гораздо легче, чем вчера. Сайм и Флиннел шли сами, из-за чего скорость передвижения отряда существенно возросла. Глядя на бодро шагающих воинов, я не мог поверить словам Йайли об их неминуемой гибели. Попытался нащупать сознание гоблина, спросил мысленно:

– Сколько осталось воинам?

– Думаю, дней пять, не больше, – тут же пришел ответ.

– Как это произойдет?

– Они просто тихо уснут, без боли, без страдания. Я постарался подкрепить их силой Зеленого сердца, но это ненадолго. Магия джунглей чужда людям, и излечение невозможно.

– Что? – вмешался Дрианн. – Вы о чем?

Пришлось с помощью мыслеречи объяснять магу, что случилось с парнями. Про то, что сказал гоблин о самом Дрианне, я умолчал, решив, что мальчишка и сам понимает: с ним творится неладное. Если захочет, поговорит со мной сам. А мне надо пока все как следует обдумать. Между тем Йайли указал куда-то и уже вслух произнес:

– Тал.

Я всмотрелся в хитросплетения высокой травы и лишь с помощью измененного зрения разглядел узкую полоску черной воды, почти скрытую смыкавшимися над ней растениями. Воины же видеть ее не могли – и даже светлым днем обнаружить словно нарочно спрятанную от любопытных глаз реку было бы непросто. Река скорее походила на ленивый ручеек, медленно и тихо, без журчания струившийся между густыми зарослями. Я хотел было подойти поближе и рассмотреть ее – уж больно странного цвета была вода. Но гоблин, зашипев, как встревоженная змея, остановил меня.

– Там опасно, – донеслась до меня его мысль. – Даже я не смогу помочь.

Ну, ничего удивительного. В каком месте этих джунглей не кроется опасность? Пожав плечами, я постарался держаться от Тала как можно дальше. И расшифровал замечание Йайли отряду.

– Да что ж это такое-то? – возмущался мастер Триммлер. – Какой-то мрак на земле! Куда ни плюнь – монстры, звери дикие, недоброжелатели какие-то! Вот у нас в Гольтенвейер...

– Да надоел ты со своими горами! – взъярился Добб, дрыгая ногой, в попытке стряхнуть с сапога вцепившуюся в него зубастую голубую лягушку. Тварь висела на коже обувки на манер злой собаки и не собиралась сдаваться. В конце концов, капрал шарахнул ногой о дерево и, раздавив тварь в лепешку, принялся обтирать ногу травой. – У вас там под землей тоже всякого хватает! – закончил он.

– Ну, так там все объяснимо, – миролюбиво проговорил гном.

Вдруг гоблин резко остановился и сделал знак замолчать.

– Кто—то идет, – тихо пробормотал Лютый, вскидывая арбалет.

Я прислушался: никаких подозрительных звуков не было. Жутковато вскрикивали ночные птицы, еле слышно шелестели листья под редкими набегами слабого ветерка. Больше ничего. Однако Ом насторожился, а Йайли так и вовсе весь словно бы встопорчился в ожидании.

– Отойдите от реки, – услышал я его мысленное распоряжение, – и не надо оружия.

Отдав воинам приказ, я замер в ожидании неизвестного существа, которое, судя по взгляду гоблина, должно было появиться со стороны реки. Довольно долго ничего не происходило, и неугомонный мастер Триммлер уже выразил предположение, что нашему проводнику что—то почудилось. На гнома зашикали и правильно сделали, потому что в этот момент появилось невероятное существо. Оно подошло совершенно бесшумно, словно призрак. Да и выглядело так же. Большое, выше человеческого роста, лишенное шкуры тело, стоящее на длинных тонких конечностях, было полупрозрачным, так что кости скелета и внутренности твари выставались на всеобщее обозрение. С отвращением я увидел в ее чреве полупереваренные останки какого—то мелкого зверька. Существо шло на задних лапах, передними лишь опираясь о землю, своими движениями напоминая гигантскую обезьяну. Вот только вытянутая морда была больше похожа на шакаля: пасть снабжена острыми клыками и хищно оскалена. Глаза же, огромные, как у лемура, но кроваво—красные, зловеще светились в ночной темноте. Хотя плоть зверя и просвечивала, она нисколько не напоминала желеобразное тело медузы. Судя по уверенным движениям, существо было вполне плотным и земным. И оно явно собиралось поохотиться.

– Не смотрите на него! – сказал мне Йайли.

Я передал его приказ остальным. Воины, памятуя о встрече с дикой кошкой, которая была способна зачаровывать сознание, поспешно опустили глаза. Но меня разбирало любопытство. Я не выдержал и взглянул исподлобья, надеясь увидеть, как гоблин будет останавливать жутковатого зверя. Напрасно я это сделал! Мой взгляд тут же попал в плен красного свечения, изливавшегося из глаз твари. В отличие от белой кошки, это существо было вполне зрячим, я понял это по тому, как в свете гоблинского шарика его зрачки то сужались, то расширялись. Я попытался отвести глаза, но не сумел: в сознание вонзилась острая игла боли. Мощная сила заполонила разум, закружила его, а затем поволокла куда—то, пытаясь вышвырнуть из реального мира в какой—то чужой. Перед мысленным взором замелькали жуткие картины этого иного, бесплотного мира: какие—то бесформенные существа, трансформирующиеся из одного образа в другой, серые потоки то ли жидкости, то ли грязного воздуха, призрачный свет неведомых светил...

– Вернись! – прозвучал жесткий приказ Йайли, и в следующий момент я обнаружил себя стоящим на коленях неподалеку от Тала. Голова разламывалась, глаза, казалось, сейчас лопнут и вытекут от боли. Бунтующий желудок подпрыгнул к горлу, и я был близок к тому, чтобы расстаться с его содержимым. Дрианн с мастером Триммлером подхватили меня и поставили на ноги. Меня шатало от слабости, поджилки тряслись, тело покрывалось холодным липким потом.

– Говорил же я вам, барон: местные обитатели способны ломать ментальные барьеры, – раздался в сознании недовольный голос Артфаала. – Ну куда вы, спрашивается, лезете?

Но я лишь нетерпеливо отмахнулся от демона, наблюдая за разворачивающейся перед нами сценой. Йайли сделал два шага вперед и замер перед красноглазой тварью, склонившись в низком поклоне. Существо немного помедлило, затем тоже изобразило нечто вроде почтительного приветствия, согнувшись всем корпусом, отчего передние конечности легли на землю. Потом оба выпрямились, и их взгляды скрестились в молчаливом поединке. Шло время, но ни один из противников – или союзников? – не опускал глаз.

– Что происходит? – мысленно спросил Дрианн.

– Не знаю, – ответил я.

Мое зрение мрака фиксировало мощные вспышки магии, но в сущность происходящего я вник лишь тогда, когда рискнул выйти в астрал и взглянуть на ауры гоблина и зверя. Конечно же свечения были одинаковы, как и ауры всех обитателей джунглей. Но от обеих тянулись многочисленные нити, переплетававшиеся друг с другом. Между существами Зеленого сердца словно происходил астральный разговор. Вскоре нити тревожно заматались между аурами, натянулись до предела и треснули, оставив в воздухе лишь обрывки, которые, медленно сокращаясь, вернулись к хозяевам. Зверь осторожно попятился и растворился в густой темноте леса. Мне показалось, что Йайли облегченно выдохнул: видимо, беседа с тварью далась ушастому нелегко. Я вернулся в свое тело, отметив, что головная боль несколько поутихла, зато ноги так и остались ватными.

– Идем дальше, Рийк, – прозвучало в голове.

Я двинулся вслед за гоблином, махнув ребятам рукой, обессиленный настолько, что не хотелось тратить энергию даже на то, чтобы вслух отдать приказ. Мы продолжали продираться сквозь густую растительность, все разговоры в отряде смолкли. Воины каждую секунду ждали появления нового загадочного существа. Мне тоже было неудобно. Вдруг появится какая–нибудь тварь, с которой Йайли не сумеет договориться?

– Со мной вы в безопасности, Рийк, – видимо, сумев подслушать мои мысли, ответил гоблин. – Я могу справиться с любым из обитателей Зеленого сердца. Кроме могучего племени. Ну и, конечно, мудрых.

– А что с могучим племенем?

– Чужаки должны быть уничтожены. Закон джунглей. И я не смогу остановить их, более того, меня убьют вместе с вами. Поэтому я уважу вас тайными тропами, стараясь запутать следы. После того как мы расстанемся в устье Тала, вам нужно быть очень осторожными и постараться как можно быстрее добраться до селения мудрых.

Гоблин опять посыпал землю семенами, которые горстями доставал из висящего на поясе мешочка.

– А вы не посоветуете, как уговорить мудрых впустить нас? – вмешался в беседу Дрианн.

– Тебя не впустят в селение, даже если ты всю жизнь прстоишь на коленях перед вратами, – мысль Йайли была неожиданно враждебна.

Маг удивленно воззрился на меня, я лишь пожал плечами. Что такого видел гоблин в мальчишке?

– Я вижу зло, – был краткий ответ.

Больше Йайли не захотел распространяться на эту тему, тем более что в беседу вмешался Артфаал. На него гоблин тоже отреагировал очень враждебно: что–то прочирикал на своем птичьем языке, сделал жест, видимо, означающий какой–то охранный символ, и отвернулся, больше не желая продолжать разговор.

– Вот он сказал, что с ним ничего не страшно, – задумчиво пробурчал демон, ничуть не обидевшись на такое грубое обращение со стороны проводника и даже не подумав исчезнуть от его оберегающего жеста. – А между тем недавно говорил, что, попади вы в реку, барон, то он не сумеет помочь.

– Река – не обитатель Зеленого сердца! – возмутился Йайли. – Она не обладает разумом, но способна убить! – после чего замолчал уже окончательно.

Луг милосердный, спаси и сохрани своих детей! Тут даже реки – убийцы!

– Граф Летакс, – строго обратился к магу лорд Феррли, – как вы себя чувствуете?

– Вполне нормально, – растерянно ответил мальчишка. – А что?

– Но не станете же вы спорить, что после вашей победы над некромантом в вас произошли значительные перемены?

– Какие?

Или Дрианн искусно притворялся, или же он ничего толком не помнил и не понимал.

– Ваши невероятные способности, например, – напомнил лорд Феррли.

– Ах, это... но я не знаю, как это получается. Мне не удастся ими управлять. Они словно приходят сами собой, когда им вздумается, а потом так же внезапно исчезают.

– Ты говорил что-то о поглощении, – напомнил я.

– О чем? – физиономия парня выражала неподдельное удивление и искренний интерес.

– А скажите, милейший, – с интересом естествоиспытателя спросил Артфаал, – у вас не случаются какие-нибудь странные видения? Сны, наконец?

– Нет. Только иногда словно морок находит на мгновение. Я будто выпадаю из реальности, а когда возвращаюсь – не помню, что делал.

Замечательно! Только этого нам и не хватало! Маг, каким-то образом заполучивший силу некроманта, а теперь не помнящий, что творит! Такими темпами он из всех нас зомби понаделает, а через час забудет и станет удивляться, откуда взялись живые мертвецы? У меня была слабая надежда на помощь изначальных, но после реплики Йайли она истаяла, как утренний туман. И то сказать, с чего бы мудрому племени нас выручать? Демон озадаченно замолк, Дрианн о чем-то задумался и тоже потерял интерес к беседе.

Мы шли через джунгли, вдоль петляющего Тала, всю ночь. Больше никакие твари нас не тревожили. Гоблин продолжал что-то колдовать, заматавая наши следы. А мы шагали и шагали сквозь непролазные заросли, которые словно расступались перед нашим маленьким проводником, давали нам дорогу, а потом снова смыкались неприступной стеной. Нельзя сказать, что я устал от ходьбы, все же за время, проведенное в странном походе, навязанном мне императором, я притерпелся к пешим прогулкам и ощущал себя довольно выносливым. Но вот после встречи с прозрачным существом я чувствовал упадок сил. Очень хотелось спать, разум словно пребывал в тумане. Когда рассвет коснулся макушек деревьев, Йайли смиловился, вывел нас туда, где деревья росли чуть реже, и объявил, что можно немного отдохнуть. Я с облегчением швырнул на траву плащ и свалился на него.

– Лейтенант, а караул выставить? – возмутился Зарайя.

Под внимательным взглядом гоблина я принялся было отдавать распоряжения, но тот бесцеремонно влез в мои мысли:

– Ты собираешься выставить охрану, Рийк? Не нужно, я сам посторожу.

– Отставить! – скомандовал я и пояснил удивленным воинам: – Проводник говорит, он будет стоять в карауле один.

То ли гоблин внушал воинам такое доверие, то ли они слишком утомились от ночного перехода, то ли просто дисциплинированно отреагировали на приказ лейтенанта, но никто и не подумал возразить. Все улеглись между деревьями и тут же уснули. Я закрыл глаза и отдался плавному покачиванию блаженного забытья. Сон сморил меня мгновенно, смывая усталость и восстанавливая утраченные силы.

– Подъем! – в голосе Лютого звучала неподдельная тревога.

Я моментально вскочил, как и все остальные, и уставился на Ома. Похоже, тот совсем не отдыхал: вид бодрый, глаза не заспанные.

– Погоня! – отрывисто бросил он. – Майлах в двух, я думаю.

Я поискал глазами Йайли, но так и не обнаружил ушастого в обозримом пространстве.
– Исчез куда—то, – недовольно пояснил Лютый, – за кусты спрятался и пропал. Хорошо, что я спать не стал, иначе нас бы всех тут взяли тепленькими.

«Неужели предал? – пронеслась в голове мысль. – Или испугался преследователей? Решил не связываться? Зачем ему навлекать беду на себя и, возможно, на свое племя?»

– Да здесь я, Рийк, – ответствовала торчащая неподалеку коряга. – Ходил на разведку. Конечно, близко к могучим не подбирался, на них морок не подействует. Но нам надо идти, они скоро будут здесь.

Йайли избавился от морока и быстро зашагал по ему одному видной тропке, мы последовали за ним. Судя по тому, что солнечные лучи, проникая сквозь листья, падали на землю под прямым углом, стоял полдень. В животе урчало, есть хотелось неимоверно. Эх, неужели голодным придется помирать? Обидно было до невозможности. Надоели мне эти скачки просто демонски! Кстати, о демонах: Артфаал опять исчез. Но на него надежды не было, лорд Феррли честно признался, что ничего не понимает ни в устройстве Зеленого сердца, ни в переменах, происходящих с Дрианном. Я постарался отвлечься от голода, сверлившего мой желудок, и дурных предчувствий, с не меньшим упорством донимавших сознание, и сосредоточился на поочередном переставлении ног, со всей ответственностью пытаясь идти как можно быстрее.

Между тем Тал начал расширяться, теперь уже буйная растительность была не в силах полностью скрыть его черное тело. Над рекой стоял тяжелый запах гнили, тины и еще чего—то неприятного. Мы держались в десятке локтей от нее, и Йайли строго следил, чтобы никто из нас не приближался к темной воде. Лютый то и дело оглядывался назад, иногда останавливался и прислушивался. Лицо его становилось все мрачнее. Я улучил момент и тихонько спросил:

– Они приближаются?

– Да, – отрывисто ответил капрал, – думаю, они сократили расстояние примерно до майла. Звук их шагов стал гораздо ближе.

Гоблин все прибавлял шаг. Непонятно было, как его коротенькие ножки могли развивать такую скорость, что здоровые мужики едва поспевали за ним. В безумной гонке, судя по теням от деревьев, прошло еще несколько часов. Усталые, потные, исхлестанные ветками и искусанные мошкаррой, все тяжело дышали. Я начал подумывать: а не стоит ли объявить привал и хоть немного передохнуть перед боем. В том, что он вскоре состоится, у меня никаких сомнений не было: Лютый сообщил, что могучие теперь в полумайле от нас. Неожиданно Йайли резко остановился, так что я, налетев на него, чуть не придавил. Я решил было, что гоблину пришла та же мысль, что и мне. Но тот не уставал меня удивлять.

– Рийк, прикажи своим людям встать в одну линию, – мысленно попросил он.

Смотр войска решил устроить, что ли? Я пожал плечами и скомандовал:

– Построиться!

Воины одарили меня такими же изумленными взглядами, как только что я гоблина, однако встали в одну шеренгу. Лишь Зарайя хмуро уточнил:

– По росту?

Я перевел его вопрос Йайли и, получив ответ, безнадежно махнул:

– Как хотите.

Наш проводник деловито достал из—за пояса свою кисточку и нож, с которыми, видимо, никогда не расставался. Подошел к стоящему первым Флиннелу и проделал вокруг него странные манипуляции. Сначала обмахнул кистью, затем оттянул левой лапкой что—то невидимое рядом с его телом и словно отрубил это ножом. Капрал с возрастающим недоумением наблюдал за движениями гоблина, потом вдруг, охнув, схватился за плечо.

– Будто укусило что—то, – пожаловался он.

Следом та же участь постигла Зарайю, Сайма, Йока, Добба. Все вскрикивали, словно от боли. Когда настал черед мастера Триммлера, гном вдруг заартачился:

– Чего это он колдует? Вдруг порчу наведет?

– Замолчи, борода! – прикрикнул на него Добб. – Зеленый помочь хочет, не понимаешь что ли?

– А ты откуда знаешь? – вызверился сын гор. – Или тоже колдовать научился?

– Я—то, может, и не научился, да хоть не такой тупой, как ты! Всем известно, что у гномов магии нет!

– Что—о—о? Да у нас... ой! – пока мастер Триммлер препирался со своим другом, гoblin ловко отхватил и от него кусочек чего—то.

Кстати, я подозревал, что эта загадочная невидимая субстанция – не что иное, как аура. Вышел в астрал – так и есть. В том месте, где прошелся нож Йайли, свечение воинов было слегка истонченным, а перед ушастиком парили в воздухе шесть разноцветных комочков. Между тем неприятной процедуре подверглись Лютый с Дрианном, причем подходя к магу, гoblin заметно скривился. Настала моя очередь. Я вернулся в свое тело и тут же пожалел об этом: ритуал был довольно болезненным. Плечо, рядом с которым мелькнул нож, запылало, словно его укусила огромная, этак с кошку величиной, оса. А гoblin принялся колдовать над отрезанными кусками нашей энергии. Он что—то бормотал себе под нос, а его лапки так и мелькали в воздухе, сплетая неведомое мне заклятие.

– Они фихтах в трех от нас, – сообщил мне Лютый, деловито заряжая арбалет.

Но не суждено было нам схватиться со стражами Зеленого сердца.

– Смотри, лейтенант! – воскликнул Зарайя.

Под лапками Йайли сгушались девять маленьких, не выше локтя, силуэтов. Они стали расти, уплотняться, и вскоре перед нами возникли... мы!

– Спаси нас, Дадда—труженик, от несправедной волшбы! – в потрясении выдал мастер Триммлер.

– От какой же несправедной, дурачина бородатая! – радостно воскликнул Добб. – Зеленый – он хоть росточком еще меньше, чем ты, а соображает!

Мало того, что фантомы в точности повторяли внешность оригиналов, так они еще и повадками обладали такими же. Вот поддельный мастер Триммлер солидно погладил бороду, а копия Йока по—кошачьи прищурилась. Люди, возникшие из кусков аур, на вид были вполне телесными, плотными и объемными. Единственное отличие от нас состояло в том, что все краски выглядели чуть бледнее. Так, глаза лже—Лютого были совсем белыми, а борода поддельного гнома имела салатный оттенок вместо насыщенного изумрудно—зеленого цвета, которым щеголял настоящий сын гор. Фантомный отряд выглядел словно бы немного вылинявшим. Гoblin что—то протрещал астральным копиям, затем повелительно указал куда—то рукой. Наши подопытные послушно двинулись в заданном направлении.

– Как интересно! – восхищенно проговорил Дрианн. – Это – высшее искусство тонкой магии! Астральная проекция!

– Как я понимаю, – пожал плечами Лютый, – эти проекции должны вместо нас показаться дикарям, так что ли?

– Да они на раз раскусят, что их обманули! – пренебрежительно усмехнулся мастер Триммлер.

– Нет, все не совсем так, – пояснил я, уже догадавшись, какие цели преследовал наш проводник. – Копии сотворены из наших аур, то есть несут отпечаток нашей энергии. Мыслей, чувств, понимаете? А стражи джунглей, скорее всего, обладают способностью ориентироваться не только по внешним следам, но и по... – я замаялся, стараясь подобрать подходящее слово.

– Эманациям сознания, – подхватил Дрианн. – И вот представьте, что совсем близко от них проносятся наши астральные проекции, неся в себе заряд...

– Хватит! – взмолился гном. – Мы и так уже верим, что все обойдется! Только не мучай ты своей магической заумью!

– В общем, они должны сбить могучих со следа и заставить идти за копиями, – довольно закончил мальчишка.

– Но ненадолго, – в моем сознании предупредил Йайли, поняв, что говорит Дрианн, а возможно, и уловив его мысли. – Создания тумана продержатся до вечера, может быть, до ночи. За это время они уведут преследователей в другую сторону, нам же надо поторопиться и уйти как можно дальше от этого места, туда, где заканчиваются охотничьи угодья этих воинов.

– Погоня удаляется! – вдруг сообщил Лютый, до этого внимательно прислушивавшийся к звукам, которые различал лишь он один.

– Ну, так и мы пойдем! – проворчал гном.

Мы шли не останавливаясь до самого вечера. Джунгли становились все гуще и населеннее. Невероятные звери шныряли под ногами, с ветки на ветку перепархивали разнообразнейшие птицы. Рои насекомых не давали покоя, земля кишела гадами всех размеров и расцветок. Дрианн, на время вернувшись к своей восторженности, не успевал радостно восклицать, обнаруживая все новые и новые экземпляры. В особый трепет его почему-то приводили насекомые.

– Вы не понимаете, Рик, они же такие древние! – говорил мальчишка, поднося ладонь к моему носу и демонстрируя пойманную двухголовую бабочку, у которой на крыльях сияли крохотные наросты из камня, подозрительно напоминающего алмаз.

– Брось ты эту гадость! – ворчал я. – Вдруг ядовитая попадется!

Я с гораздо большим интересом рассматривал здешнее зверье, не делая, впрочем, никаких попыток с ним подружиться. Особенно вдохновили меня рыжие звери величиной с кошку, но с лисьей мордочкой, которые попадались в большом количестве. Самым примечательным в них было то, что в том месте, где полагалось находиться хвосту, торчали разноцветные перья. Тваринки сопровождали наш отряд, любопытно принюхиваясь острыми носами, и издавали мелодичное посвистывание. То ли они были падальщиками, то ли просто выражали таким образом свой интерес – не знаю. Но почему-то они мне были очень симпатичны. Гораздо меньше теплых чувств вызывали раскоряченные существа, чем-то напоминающие черепах, но передвигавшиеся замечательно быстро. На широко расставленных коротких лапах покоилась то ли голова, то ли круглое тело, покрытое костяными пластинами. Ни глаз, ни рта я у них не обнаружил, как ни старался. Зато твари все время норовили с разбегу врезаться в нас и сбить с ног. Охотились, наверное. Приходилось очень внимательно следить за их атаками и постоянно уворачиваться, что не делало путешествие приятным.

– Лютый, ты этих дикарей чуешь или нет? – спросил я Ома.

– Уже нет, – ответил капрал. – Они удалились на такое расстояние, что мне не слышно их шагов.

– Отлично! – порадовался я и мысленно спросил Йайли: – Может, сделаем привал?

– Ты очень устал, Рийк? – в мыслеречи гоблина угадывались сочувственные нотки.

– Главное, что солдаты устали.

– Хорошо, отдохните.

Наш проводник отыскал между деревьями небольшой холмик, весь заросший приземистыми кустиками, на которых в последних лучах заходящего солнца краснели крупные каплевидные ягоды.

– Здесь будет хорошо, – сказал он.

Отгнав лисоподобных и черепахообразных зверей, мы расположились на привал. Йайли разрешил нам поспать до середины ночи, а сам снова остался караулить. И как только у него сил хватало? Я уронил свое тело на пригорок и с облегчением выдохнул.

– Ягоды съедобны, Рийк, – пояснил гoblin. – И они хорошо восстанавливают силы.

Я перевернулся на живот, лениво сорвал несколько алых капель и отправил их в рот. Нежный, какой-то слегка прохладный вкус освежал и бодрил. Съев еще ягод пять, я ощутил,

что тело уже не ноет так жалобно, а натруженные ноги больше не гудят. Мои спутники, увидев, что я лакоплюсь без опаски, тоже принялись подкрепляться дарами Зеленого сердца.

– Удивительно, – проговорил Дрианн. – Ягоды обладают ярко выраженным тонизирующим эффектом.

– Эх, хорошо! – воскликнул мастер Триммлер. – Никогда таких ягодок не пробовал!

– Да что ты вообще в своих шахтах пробовал, того, этого, – с набитым ртом пробормотал Добб.

– Ну, знаешь ли! – взъярился гном. – Да тебе и половины того не снилось, что у нас в горах растет.

– Ага, горные тролли, нетопыри и плесень, – меланхолично перечислил его закадычный дружок.

– Да ты, деревенщина... – начал было мастер Триммлер.

– Тише! – оборвал его Лютый, всматриваясь в сгущающиеся сумерки.

Из—за деревьев показался грациозный силуэт и начал приближаться к нам. Даже ночная темнота не могла скрыть сияющей белизны великолепного существа.

– Единорог! – обрадовался Дрианн.

Йайли склонился в почтительном поклоне, приветствуя это лесное чудо. Животное покивало благородной головой, словно отвечая на его учтивость, и медленно обошло вокруг пригорка, рассматривая замерших воинов. Все, кроме Лютого, Дрианна и меня, видели единорога впервые, и его появление вызвало у капралов какие—то детские радость и восторг. Суровые лица расплылись в ребячливых улыбках, солдаты затаили дыхание, боясь спугнуть волшебное видение. А единорог подошел ко мне, и мне показалось, что в его ласковых печальных глазах мелькнуло узнавание. Он выжидательно уставился на меня, слегка потряхивая головой, отчего по его великолепной гриве пробежали волны сияния. Сначала я хотел предложить ему ягод, но потом, подумав, что он и сам может съесть их сколько угодно, пошарил в мешке и выудил сухарь. Протянул угощение на раскрытой ладони, и животное доверчиво потянулось за ним. Похрустев поднесенным скромным лакомством, единорог еще некоторое время полюбовался на меня – не знаю уж, чем заслужил такую его симпатию – и величественно удалился в джунгли. Тут заговорили все сразу.

– Что это было, ребятушки? – восклицал мастер Триммлер.

– Я думал, сплю, того, этого, – вторил ему Добб, позабыв о ссоре.

– Точно как в сказке, – мурлыкал Йок.

Их голоса перекрыло мысленное обращение Йайли:

– Ты сумел подружиться с добрым духом джунглей, Рийк. Это хороший знак. Возможно, Зеленое сердце примет тебя.

– Он дух? – удивился я. Единорог казался мне вполне осязаемым и реальным.

– Он – дух в теле животного. А теперь вам всем надо отдохнуть.

Я укрылся плащом и тут же задремал, сквозь сон успев услышать залихватский храп мастера Триммлера.

Йайли разбудил нас посреди ночи, как и обещал, и вновь повел невидимыми тропами вдоль Тала. За нами опять увязались рыжие лисокошки. Или кошколисы, как вам будет угодно. Когда они только спят? Хорошо хоть, агрессивные черепахи исчезли. Гоблин, как и в прошлый раз, сотворил светящийся шарик, что позволило солдатам хотя бы не наступать на зверьков, которые с умильными мордочками так и лезли под ноги. Лютый сохранял невозмутимое спокойствие, показывавшее, что наши преследователи далеко. Тем не менее, Йайли неумоимо уводил нас все дальше и дальше.

– Я вот что сказать хочу, того, этого, – не выдержал наконец Добб. – Нас как учили погоню запутывать? Надо идти по воде, тогда и следов не останется.

– Ну, ты, дубовая голова, и сказал! – рассмеялся мастер Триммлер. – Это ж когда погоня с собаками! А тут – дикари!

– Да какая разница? – горячился Добб. – Того, этого, они ж тоже как—то нас чувят!

– Кстати, идея не лишена здравого смысла, – вмешался Дрианн. – Ведь вода, как известно, прекрасно удаляет энергетический отпечаток. Особенно текучая.

– Рийк, – вмешался Йайли. – Передай своим людям, чтобы не подходили к реке. Это очень опасно.

Конечно, я уже не раз говорил об этом парням, но повторил еще. Добб пригорюнился.

– Эх, того, этого! Гнусная водичка! – он погрозил кулаком в сторону Тала. – Вот скажите мне: что здесь не опасно? Да Пустыня призраков по сравнению с Зеленым сердцем – увеселительная прогулочка!

Словно подтверждая его слова, от реки раздался громкий всплеск. Впечатление было такое, что в воду обрушилось гигантское тело. Вслед за этим мы услышали: «Шлеп... шлеп... шлеп...» Словно чьи—то босые ноги брели по мелководью. Йайли нахохлился и сделал оберегающий жест. Однако это не помогло. К шлепанью прибавилось еще и мокрое хлопанье. Сопровождавшие нас кошкообразные лисы кинулись врассыпную и исчезли за деревьями. Ребята вскинули арбалеты.

– Накликал—таки, дубовая башка! – шепотом попенял Доббу мастер Триммлер.

Я призвал мрак и посмотрел туда, откуда доносилось: «хлоп...шлеп... хлоп...шлеп...» Зрение уловило сильное магическое излучение. Однако существо, издававшее эти звуки, мне разглядеть не удалось. Тем временем Йайли достал из—за пояса кисть, принялся размахивать ею и скакать вокруг отряда, выкрикивая гортанные слова заклятия. Звуки раздавались все ближе, и наконец я увидел их источник.

– Ат—тана, мать всепрощающая! – вырвалось у Добба. – Что это?

Гоблин был прав, когда объяснял нам, почему Тал победить невозможно: тварь, вылезшую из реки, нельзя было назвать обитателем джунглей. Потому что она вообще не была живой, это я увидел с помощью зрения мрака. Но магией обладала, это точно. Перед нами стояло нечто вылепленное из тины и водорослей, воняющее, как сточный канал, и хлопающее, как легкие больного чахоткой. Оно было огромно – высотой в два человеческих роста, а толстое неповоротливое тело, наверное, не сумели бы обхватить трое здоровых солдат. Туша опиралась на короткие мощные ноги, заканчивающиеся длинными ступнями, напоминающими утиные лапы. То, что заменяло ей голову, украшали два маленьких красных огонька, под которыми зиял черный провал рта. На поверхности мокрого тела вспучивались и лопались большие пузыри, испуская при этом невыносимое зловоние. Гоблин забежал в круг, описанный им в воздухе, и принялся размахивать лапками, продолжая что—то чирикать. Из бесформенной туши проклюнулись две конечности, больше напоминающие тонкие веревки. Они потянулись вперед, по пути становясь все длиннее. Добб выхватил меч, собираясь отрубить твари лапы, но стрекала вдруг словно наткнулись на невидимую преграду, очевидно, возведенную волшебной магией Йайли. Скользкие веревки слепо зашарили вокруг отряда, выискивая лазейку в гоблинских чарах. Хлопанье стало громче. Я внимательно изучал уродя сначала с помощью темного зрения, потом даже перешел на астрал. Ничего нового не увидел. Ауры не было, да ее и быть не могло, в твари не имелось ни капли живой энергии. Однако какая—то энергия у нее все же была, и немалая. Это ощущалось зрением мрака. От сущности несло опасностью и смертью.

– Чего стоим, кого ждем, ребяташки? – выкрикнул мастер Триммлер, воинственно взмахнув топором.

Боевитый гном собрался было покинуть круг, чтобы «сделать из дерьма рагу», как он изящно выразился. Но я остановил его, интуитивно понимая, что ни клинком, ни топором, ни тем более арбалетным болтом здесь проблемы не решить. Следовало действовать с помощью магии. Первым делом я швырнул в сущность своим излюбленным огненным шаром, но пламя,

воткнувшись в мягкое тело, разочарованно зашипело и погасло. Ни Огненная стрела, ни молот Дадды не возымели эффекта. Сквозь полужидкую тушу все мои заклятия проваливались, как камешек в сметану. Тем временем хлюпающее нечто принялось бить конечностями по воздушной защите, действуя ими, как хлыстами. С каждым таким ударом материя воздуха слегка поддавалась, я почти осязаемо чувствовал, как стонет и истончается поставленный гоблином щит. Тогда, чтобы хоть как-то оттянуть время, я сотворил новый щит – Большой воздушный. Который был моментально сокрушен. Вслед за ним пала и оборона Йайли. Щупальце обхватило Йока и потянуло его за собой. Клинок Добба перерубил конечность, и капрал Мелли рухнул на землю. Он тут же вскочил и бросился на тварь с мечом. Но бой не был долгим.

– Демон, завязло! – успел удивленно воскликнуть Йок, пытаясь вытащить из чавкающей массы свой клинок.

За эти мгновения монстр успел отрастить новую конечность. И даже не одну: над нами заматались несколько тонких щупальцев. Мастер Триммлер деловито отрубал гибкие отростки, но на их месте тут же возникали новые. Уворачиваясь от лап твари и кидая в нее заклятие за заклятием, я пытался понять, чем можно на нее воздействовать. Выходило, только смешанной волшбой. Рассудив, что вязкую субстанцию лучше всего смыть водой, я настроил свое сознание и прибавил к мраку стихию воды. Труднее всего было сохранять хладнокровие, но я очень постарался. Когда же мой разум начал изнемогать от противодействия источников, я швырнул чары в чудовище. Темная вода, получи, урод! Едкая жидкость потоком излилась на хлюпающую тушу. Воины отскочили назад, а я самодовольно наблюдал за действием своей магии. Гордиться мне пришлось недолго: тварь покрылась пузырями, ее тело будто вскипело, затем заходило ходуном, как кусок сдобного теста. Сравнение весьма точное, потому что сущность повела себя в точном соответствии с процессом брожения: она увеличилась вдвое и закачалась где-то высоко над нашими головами. Ее конечности тоже удлинились и сделались толще, теперь убегать от них стало еще труднее.

– Отступаем! – завопил я, надеясь, что огромная орысина не сумеет протиснуться между деревьями.

– Нельзя! – запротестовал в моей голове Йайли.

Но воины уже попятились к чаще. Один Дрианн почему-то замешкался и остановился. Налетевшее на парня щупальце перехватило его поперек спины и вознесло на высоту не меньше десятка локтей. Я не успел перерубить ухватившую мага конечность. Странно, но Дрианн не кричал и не просил помощи. Он совершенно спокойно висел в воздухе, внимательно разглядывая мерзкое чудовище, которое тащило его в пасть. Секунда – и маг скрылся в ней, а еще спустя мгновение тело монстра заволновалось, с громким хлопком развалилось пополам и растеклось грязной лужей, в которой обнаружился стоящий на четвереньках, облепленный тиной Дрианн. Парень нутно откашливался и отплевывался. Из джунглей выглядывали разочарованно поскуливающие рыжие зверьки. Видимо, они все же были падальщиками и теперь огорчались из-за отсутствия пищи. По колено в грязи я кое-как добрался до мага и поднял его.

– Ты как?

– Нормально, – заходясь в кашле, проговорил мальчишка.

Между тем вонючая тина повела себя неожиданно: она собралась в единый поток и устремилась в сторону реки. Интересно, что частицы грязи, облепившие Дрианна, тоже потихоньку сползали с него и присоединялись к ползущей ленте.

– Что это было? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Тал, – кратко ответил Йайли. – Дух мертвой реки, разгневавшийся на непочтительное обращение. И победить его мог лишь тот, кто обладает силой мертвых.

Я покосился на мага. Тот удивительно быстро пришел в себя. Стыдливо потупившиеся капралы вернулись к пригорку. Йок подобрал свой освобожденный меч. Я кратко объяснил им происхождение твари, опустив последние слова гоблина.

– А все ты, дубовая башка! – окрысился мастер Триммлер, отпуская Доббу звонкий подзатыльник.

Капрал лишь покаянно покосился на друга.

– Идем, Рийк, – донеслась до меня мысль Йайли.

– Вперед! – озвучил ее я.

До самого утра мы шли вдоль Тала без особых происшествий. Лютый, периодически прислушивавшийся, хранил удовлетворенное молчание: погоня отстала. Когда первые лучи проклюнулись сквозь верхушки деревьев, гоблин остановился и вытянул вперед лапку.

– Мы пришли, Рийк, – прозвучало в моей голове. – Здесь Тал впадает в Шард. Я должен покинуть вас.

Медленная черная лента вливалась в широкую реку, мутные воды которой лениво струились между пологих берегов. Шард, о котором сложено столько жутких легенд. Что ждет нас на его поросших белыми лилиями берегах? И как теперь без проводника?

– Прости, Рийк, – сказал гоблин. – Но я не могу продолжать путь. У каждого в Зеленом сердце – свое место. Мало кто из обитателей джунглей может безнаказанно ходить, где ему вздумается. Я погибну, если пересеку отведенные малому племени границы. А вы должны идти вниз по течению Шарда. На пути увидите мост. Это постройка древних. Вам нужно будет перейти через него и продолжать двигаться по течению. Шард сам выведет вас к селению мудрого племени. До него один день и одна ночь пути.

– Как я узнаю его?

– Ты увидишь белые стены, их ни с чем не спутать.

– Спасибо, Йайли, – благодарно поклонился я.

Зеленый ответил на мой поклон, и его большие уши потешно взметнулись в воздухе. Поклонившись по очереди всем воинам, Йайли быстро засеменял прочь и вскоре исчез из виду. Я посмотрел на ребят.

– Привал. Отдохнем пару часов – и пойдем дальше. Осталось совсем немного.

* * *

– Круг владык ждет твоего повеления, Светозарная.

На нее были устремлены взгляды одиннадцати пар прозрачно—светлых глаз. Ритуальная фраза произнесена, совет двенадцати Домов открыт. В большом зале дворца за круглым столом, символизирующим равноправие всех членов совета, собрались главы двенадцати самых влиятельных семей Аллирила. Из распахнутого окна доносился ласковый шелест листьев, на резных деревянных стенах играли радостные солнечные лучи. Пол тоже был выстелен деревом, согревающим, словно хранящим тепло рук искусного резчика – первозданные не признавали ковров. Посреди комнаты в мраморном бассейне журчал прозрачный фонтанчик, вокруг которого кружились, треща переливчатыми стрекозиными крылышками, крошечные флори. Вдоль стен стояли скульптуры из горного хрусталя, изображающие правителей Аллирила.

Право первой речи принадлежало владыке Дома Алмазной росы. Но все ждали ее решения. Не сводили внимательных глаз с тонкого лица той, которая вот уже половину тысячелетия правила лесной страной. Так было сто лет назад, и двести, и триста... так было всегда. И много тысячелетий до ее рождения Круг владык проходил точно так же. Традиции – развлечение тех, кто живет долго, очень долго. Когда приедаются все удовольствия, любовь утомляет, чувства больше не трогают усталую душу, когда сама жизнь начинает казаться серой, на помощь приходят обряды и обычаи. Они успокаивают, утешают и делают течение жизни плавным и ласкающим. Так было прежде, так есть сейчас, так будет всегда. Кай'Велианир – Ли́а, как звали ее избранные, которых она удостаивала своей дружбой, владычица правящего Дома Жемчужного тумана, поочередно кивнула всем членам Круга. Холодные, бездонные и

огромные даже для эльфийки глаза смотрели равнодушно и чуть высокомерно. Серебряные, как вода реки Галлиур под луной, волосы струились по обтянутым серым платьем хрупким плечам, закрывая их подобно сияющему плащу. Голову венчала платиновая диадема, между хитро переплетенными узорами которой, ничем не прикрепленная, парила, испуская мягкий матовый свет, невероятных размеров голубоватая жемчужина – символ правящего Дома. Владычица слегка пошевелила тонкими пальцами, взяла возникший из воздуха кленовый лист, выточенный из горного хрусталя, и водрузила его на стол. Знак того, что сбор Круга владык начинается. Лей'Иллиолис, кивнув, положил руки перед собой. Светлые брови сурово нахмурены, лицо с резкими чертами выражает вежливое недовольство. Настоящий воин, великий стратег и тактик, глава могущественного клана. Дом Алмазной росы, эльфы которого не отличались особыми талантами к магии, неизменно порождает самых сильных воинов. Никто не мог сравниться с эльфами этого Дома в искусстве стрельбы из лука или в мечевом бое, а также в умении верно рассчитывать свои силы в сражении. Светозарная внимательно наблюдала за каждым его жестом. Не сомкнет ли пальцы в замок, обозначив свое несогласие с ее главенством? Или, быть может, опустит ладонями вниз, что говорит о недоверии? Здесь, в Круге владык, любое движение, любое слово имеют значение, здесь все овеяно традициями тысячелетий. Нет, не посмел. Как и всегда раскрыл ладони кверху в знак полного доверия. Хотя давно уже был недоволен ее правлением. Но, видимо, не заручившись поддержкой Круга и не собрав верных союзников, пока избегал открытого противостояния. Кай'Велианир слегка приподняла кончики надменных губ, демонстрируя оратору свое благосклонное внимание.

– Дом Алмазной росы приветствует тебя, Светозарная! – еще одна традиционная фраза. А вот теперь собственно речь. – Первозданные в растерянности. Убийства в Аллириле продолжаются. Лендсонский договор давно уже нарушен, несмотря на все наши усилия свято соблюдать его. Смерть пришла в наш лес. И ее принесли люди. Это продолжается не день, и не два. Первое святотатственное убийство было совершено три года назад. С тех пор народ илльф потерял уже больше ста своих сыновей. Ты знаешь, повелительница, что все попытки поймать убийц закончились ничем. Настало время воевать. Мы ждем твоего решения, Светозарная.

Лей'Иллиолис замолк и убрал ладони со стола. Речь закончена. Что ж, этого и следовало ожидать. Воины его клана возмущены тем, что сладкий момент мести все оттягивается. Бой – смысл их жизни, звон клинка им милее музыки, а гибель в сражении – самый достойный способ уйти в леса Брижитты. Им неизвестно то, что понимает каждый из сидящих за этим столом владык: кто—то стремится поссорить две державы, поочередно убивая эльфов Аллирила и людей Лесного края. Донесения разведки и шпионов, живущих в Галатоне под человеческой личиной, строго засекречены, но у глав Домов есть свои осведомители. И все речи владык – лишь дань древним законам чести. Никто из них никогда не признает, что убийцами могут быть не только люди, но и эльфы. Никто не скажет вслух, что война нежелательна, не усомнится в победе Аллирила. Произнести такие кощунственные слова вслух, значит потерять доверие подданных.

Молодой, не старше двухсот лет, и потому еще не научившийся усмирять свои порывы Мэй'Клилли резко кинул руки перед собой. Пальцы так и стремились сцепиться в замок, но в последний момент владыка сдержался. Ладони остались раскрытыми. Ноздри прямого, немного длинноватого носа, воинственно раздувались. Весь он – от густых пепельных волос, собранных в хвост на затылке, до кончиков холеных отшлифованных ногтей – был само негодование. Владычица сдержала ласковую усмешку. Хороший мальчик, немного излишне прямолинейный, слишком горячий, но подлости в нем не ощущалось. Несвойственная владыкам эмоциональность объяснялась еще и происхождением – издавна Дом Изумрудного листа был кланом поэтов. К тому же этот род был не обделен магическими способностями и не чужд воинского искусства. Юный владыка тоже будет ратовать за войну с людьми. Ему безразлична

политика, романтика мести – вот что согревает душу творца. Недаром ей докладывали, что все новые стихи, слагаемые в Доме, воспевают музыку сражения.

– Дом Изумрудного листа приветствует тебя, Светозарная! – голос резкий, в нем явственно звенела сталь злобы. – Мы не можем больше ждать, семьи погибших призывают к мщению! Наш Дом готов послать всех своих воинов на праведный бой с людским племенем!

Взгляд Кай'Велианир оставался ледяным, прекрасное лицо хранило равнодушно—приветливое выражение. Все как полагалось. Мальчик – не соперник. Слишком молод и горяч, слишком далек от политики и неискушен в интригах. Хотя... нельзя скидывать со счетов его обаяние. Такой способен повести за собой народ. Со временем гибкость и нежность молодого дубка превращается в твердость и мощь могучего дерева. Что ж, теперь будет говорить самый главный ее враг. Вернее, врагиня. Тонкие белоснежные руки мягко опустились на поверхность стола, раскрывшись, как цветы, в жесте доверия и понимания. Отливающие призрачной синевой глаза, слегка удлинённые к вискам, смотрели ласково, нежная улыбка волшебным светом сияла на совершенном лице, о котором никто не мог бы подумать, что оно принадлежит женщине, недавно отпраздновавшей свое тысячелетие. Над собранием зазвучал вкрадчивый голос, сладкие звуки которого зачаровывали против воли.

– Дом Рубиновой луны приветствует тебя, Светозарная...

Ненависть этой женщины была непреодолима и опасна. Ни одна мать не простит смерти своего сына. Звук ее голоса напомнил о той ночи, о той ужасной ночи... На лице владычицы не отразилось никаких чувств. Сердце билось ровно и спокойно. Лишь в душе поселился неприятный холодок. Нужно выслушать, нужно сохранить лицо...

– Не будем спорить, светлые тиссы, – пропела Рил'Сириэлле, – пред лицом беды должно сохранять единство. Для того и собрался Круг, чтобы принять решение, для того и существуют двенадцать, чтобы быть опорой правящему Дому.

«Как красиво ты говоришь, медоточивая. А ведь сама всю свою бесконечно долгую жизнь мечтаешь увидеть, как в диадеме власти кровавым сгустком загорится рубин твоего Дома. Можно было бы ожидать, что ты первая швырнешь в меня камень недоверия, потребуешь решительных действий. Но нет, ты слишком хитра. Хочешь сорвать цветок чужими руками?» Что задумала старая лиса? Рил'Сириэлле умела выстраивать интриги так, чтобы о них не знала ни одна душа. Ни шпионы, ни соглядатаи, состоящие на тайной службе у Светозарной, не могли донести о Доме Рубиновой росы ничего предосудительного. Внешне все было благочестиво и пристойно, но Лиа была уверена: именно там зреет черный плод заговора. Глава Дома давно желала вырвать бразды правления из рук ненавистной соперницы. А война, с ее кровью, лишениями, и неизбежным недовольством подданных, давала для этого хорошие возможности. Клан по своей магической мощи не уступал Дому Жемчужного тумана. И точно так же, как и в правящем Доме, носительницами дара были женщины. Тай, сидящий напротив Светозарной, смотрел спокойно, но в самой глубине светлого взгляда зеленоватых глаз горела искорка сочувствия. Что делать теперь, когда ее подданные жаждут мести? Пойти на поводу у древних законов? Обречь Аллирил на многолетние лишения, положить на алтарь ненависти множество жизней? Кай'Велианир понимала, каких слов ждали от нее двенадцать владык, помнила она и вечный девиз первозданных: «Честь превыше жизни». Он был начертан на гербе правящего Дома, это было кредо всех ее предков, с этими словами на устах умирали эльфийские воины. Сбереечь честь, сохранить лицо, никогда не признавать себя поверженным. И если она не последует сейчас этому девизу, то рискует вызвать возмущение народа. Но развязать войну, не попытавшись договориться с Галатоном – по меньшей мере глупо. Что она говорит, эта сладкоголосая хищница?

– Без сомнения, Светозарная примет правильное решение, светлые тиссы...

– Я нанесу визит императору Ридригу, – перебила ее плавную речь Лиа. – Возможно, мне удастся уладить дело миром.

В зале воцарилось молчание. Неизвестно, что больше шокировало владык: неслыханное решение Светозарной, противоречащее всем эльфийским принципам и канонам, или вопиющее нарушение этикета, который не позволял прерывать выступающего. Тем не менее, сохранение лица – прежде всего. Нельзя обнаружить свои чувства и мысли, находясь среди соперников. Даже взгляды глав Домов не выдавали их изумления, даже тень чувств не проскользнула по невозмутимым лицам. Лишь на щеках юного Мэй'Клилли вспыхнул румянец злости. После долгого безмолвия заговорил Иль'Эллиус, который должен был произносить речь после Рил'Сириэлле:

– Дом Сапфирового неба приветствует тебя, Светозарная! Закон чести не допускает переговоров с предателями.

Больше владыка не произнес ни слова, сочтя фразу исчерпывающей. Подобно Дому Алмазной росы, его Дом был кланом воинов. Именно эльфы этой семьи чаще всего служили правящему Дому. И руководствовались лишь древним законом чести. Иль'Эллиус всегда стоял на защите интересов правительницы. Но сейчас его преданность подверглась тяжелому испытанию. Пойти против Кай'Велианир – значит нарушить закон, согласно которому эльфийский воин не должен перечить Светозарной. Но ведь она сама нарушает закон древних! Тем не менее, воин воздержался от спора. Он еще не решил окончательно, чью сторону примет.

– Ты совершаешь ошибку, Светозарная! – воскликнул Мэй'Клилли. – Три года первозданный народ ждал твоего приказа! Три года мастера заготавливали стрелы, три года воины держали наготове свои мечи! Что мы скажем своим подданным? Что повелительница отправилась на поклон к убийце их братьев? Что смерти эльфов останутся неотомщенными?

В порыве негодования юноша подался вперед, выкрикивая горькие слова в лицо владычицы. Тонкие пальцы сжались в кулаки. Кай'Велианир поймала хмурый взгляд Тая, который уже раскрыл было рот, чтобы оборвать распоясавшегося мальчишку.

– Я нанесу визит императору Ридригу, – повторила она, – и лишь после этого приму решение.

Она встала из—за стола, давая понять, что собрание Круга завершено. Повинуясь легкому движению длинных пальцев, хрустальный лист истаял в воздухе. Владыки поднялись одновременно со Светозарной, и поочередно направились к выходу. Спины прямые, светлотоварые головы гордо подняты, в глазах невозможно прочесть ни оттенка чувств, обуревающих души. Тай по традиции должен был уходить последним. На миг задержавшись у двери, он бросил на Светозарную молниеносный взгляд. В ответ Лиа чуть опустила веки: да, как всегда...

Пройдя в малые покои, доступ в которые был запрещен всем, кроме особо приближенных, владычица опустилась в удобное кресло, мягко принявшее ее тело в свои ласковые объятия. Шаловливый ветерок, залетев в раскрытое окно, нежно притронулся к серебряным прядям волос, но не посмел играть ими и убежал, спрятавшись в ветвях деревьев. Взмах руки – и на окно опустилась тончайшая, но непрозрачная ткань. Дверь неслышно распахнулась, и в комнату вошел Тай. Ее друг, наперсник и любовник. Ее первый мужчина, единственный, кто заставлял учащенно биться холодное сердце. Тот, чьи ласки растапливали лед одиночества. Он тихо опустился на пол у ног владычицы, прикоснулся к изящным пальцам, снизу вверх заглянул в глаза.

– Спой мне, – тихо попросила Лиа.

Дом Хрустального дождя, которым правил Элл'Ситайар, традиционно был колыбелью музыкантов и певцов. Хотя при необходимости утонченные и чувствительные эльфы с легкостью меняли флейту на клинок, а сладкоголосую лютню – на щит. Велики были и их волшебные таланты, с помощью которых творцы делали свои произведения поистине неповторимыми.

Тай мягко, по—кошачьи, поднялся, снял со стены кифару и вновь опустился к ногам Лиа. Тронул струны, послушно зазвеневшие под ловкими пальцами, и запел балладу, которую сочинил в честь своей возлюбленной. В ней рассказывалось о бедном музыканте, увидевшем

прекрасную девушку и восплававшем любовью. Медленная, печальная мелодия завораживала, манила в мир воспоминаний, в страну светлой грусти. Светозарная прикрыла глаза, но сегоднешний день не отпускал. Вновь и вновь пролетали перед мысленным взором события, лица, звучали в сознании голоса владык. Правильно ли она поступила? Быть может, следовало обставить все по—иному? Но решение принято, и она не станет его менять. Честь превыше жизни... Спорное заявление. Все зависит от двух точек: точки отсчета и точки зрения. Что есть честь? Разве попытаться уберечь свой народ от войны значит потерять лицо? Что есть жизнь? Долгое существование в рамках традиций или процесс познания нового? Нет, она не станет рубить сплеча, пусть осудит ее Круг, пусть подданные шепчутся по углам, что владычица пошла против обычаев предков. Однажды она уже поступила согласно древнему девизу. Вернее, не так: она всегда следовала ему, но тот поступок стоил жизни ее единственной дочери. Глаза Лиа затуманились, она больше не слышала сплетающихся в прекрасную мелодию звуков. Правительница окунулась в прошлое. Кай'Анилаир... Ани, как звали ее в семье. Что ты наделала, дочь? Зачем нарушила законы рода? Что нашла в том жалком маге—самоучке, развлекающем досужую площадную толпу своими убогими фокусами?

Эльфийская память – великий дар и одновременно тяжелая ноша. Первозданные помнят все события своей длинной жизни. Вот и сейчас услужливое сознание возродило перед Светозарной картинку прошлого так ярко, словно это происходило здесь и сейчас. Она увидела тот солнечный весенний день, проникнутый радостью пробуждения природы, ее возрождения к новой жизни. У людей этот праздник так и назывался – Весеннее пробуждение. Правящая семья прибыла на торжества по приглашению императора. Конечно, это был лишь предлог – настоящей причиной визита эльфов были переговоры. Люди хотели наладить с эльфами постоянные торговые отношения. Предстояла встреча с министром торговли. Эльфийское вино, кружева мастериц и искусство резчиков всегда привлекали купцов всего мира. Но и не торговля являлась самой главной целью переговоров. Император надеялся убедить владычицу не повышать плату за проезд через Аллирил. Он хотел, чтобы взимаемая с гномьих и людских караванов пошлина стала постоянной и доступной. Караванный тракт, пролегающий через лес, был единственной дорогой, по которой торговцы могли попасть из Золотой цепи в Галатон. Круг пользовался этим и ежегодно взвинчивал плату. В казну эльфийского государства тек постоянный и широкий золотой ручей. Часто гномы вносили пошлину драгоценными камнями, оружием, либо горным хрусталем, из которого эльфийские скульпторы создавали неповторимо прекрасные статуи. Так что о снижении платы речи быть не могло. А вот об установлении ее верхнего предела подумывала и сама владычица. В ее представлении, неоправданное повышение граничило с нарушением слова и плохо соотносилось с понятиями эльфийской чести. Светозарная ни за что не согласилась бы нанести визит первой, но послы императора были так подчеркнута покорны, обращались к ней так изысканно—витиевато... А дочь так просила о путешествии... Лиа решила, что новые впечатления будут полезны для Ани.

Кай'Велианир была озабочена предстоящими переговорами и поэтому мало обращала внимания на народное гуляние, набиравшее силу. Ей никогда не пришла бы сумасшедшая мысль: пройтись по площади среди человеческого простонародья, окунуться в безыскусное веселье, глазеть на уличных кукольников и гитан с медведями. Супруг владычицы, светлый князь Кай'Даниэлле, урожденный Рил, всецело разделял ее точку зрения. Как, впрочем, и всегда. Но Ани, юная и жаждавшая новых впечатлений, уговорила родителей прогуляться. В конце концов, Светозарная согласилась на эту странную авантюру, подумав, что дочери будет не лишним изучить человеческие нравы. Хотя бы для того, чтобы понять, какая пропасть лежит между грубыми, примитивными людьми и утонченными первозданными. Понять и сделать выводы. Ведь когда—нибудь Ани предстояло надеть диадему правительницы. В сопровождении десятка воинов они вышли из отведенных им покоев в императорском дворце и направились к площади Семи королей. Впрочем, вооруженный эскорт был скорее данью традициям,

нежели мерой безопасности: вряд ли нашелся бы сорвиголова, способный напасть на эльфов. Шум, пьяные выкрики, необузданное веселье... Кай'Велианир брезгливо морщила породистый нос, со все возрастающим изумлением наблюдая за дочерью. Ани нравилось среди людей! А потом... Эта картинка до сих пор так и стояла перед мысленным взором владычицы. Юный маг, творящий чудеса прямо посреди разгульной толпы. Плебейское широкое лицо с крупноватым носом, но твердым подбородком и властной линией чувственных губ, соломенные растрепанные волосы, серые глаза. Простая, бедненькая, но чистая одежда. Вокруг него образовался свободный от зевак пятачок, который окружили зрители, отзывавшиеся на каждый удачный фокус восторженными аплодисментами и щедро кидавшие генты и филлинги в стоящую у ног юноши шапку. Он был искусен в магии, этот юный плебей, Лиа не могла этого не признать. Повинуясь неумовимым движениям его пальцев, вокруг то порхали бабочки, то рассыпали хрустальные бусины крохотные фонтаны, поднимающиеся прямо из камня площади, то вспыхивали изящные синие молнии. Ани протолкалась поближе к чародею и замерла, не сводя глаз с его ловких пальцев, сплетающих заклинание за заклинанием. Светозарная кивнула охране, которая аккуратно расчистила ей дорогу среди потных, дурно пахнущих людских тел, и, подойдя к дочери, потянула ту за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.